

НОРА РОБЕРТС

NO. 1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

Рожденная
в грехе

Нора Робертс
Рожденная в грехе
Серия «Сестры Конкеннан», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3020995
Рожденная в грехе: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-41331-7

Аннотация

Узнав тайну своего рождения, красавица-американка едет из Нью-Йорка в Ирландию познакомиться со своими вновь обретенными сестрами. Шаннон ничего не собиралась менять в своей жизни, но прекрасная древняя земля подарила ей встречу, которая перевернула все в ее судьбе. Прислушается ли она к зову сердца или оттолкнет Любовь – дар капризной Судьбы...

Роман издавался также под названием «Цветок греха».

Содержание

Пролог	4
1	7
2	16
3	22
4	31
5	41
6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Нора Робертс

Рожденная в грехе

Пролог

Мучительные сны снились Аманде! В них был Колин; его милое, такое любимое лицо искажено от горя. «Мэнди», – говорил он... Никогда он не называл ее иначе чем Мэнди. Его Мэнди, моя Мэнди, дорогая Мэнди. Но в голосе не слышалось радости, в глазах не светились веселые искорки.

«Мэнди, мы ничего не можем поделать. Хотел бы, но не можем. Мэнди, моя Мэнди! Мне так недостает тебя. Но я никогда не думал, что ты последуешь за мной так скоро. Наша девочка – для нее это ужасно тяжело. И станет еще тяжелее. Ты должна ей все рассказать».

Потом он улыбнулся, но так грустно, так печально. И вдруг его лицо, его тело, которые казались такими реальными, осязаемыми и находились так близко, что она во сне протянула к ним руки, – стали таять и совсем исчезли.

Однако голос она слышала снова.

«Ты обязана рассказать ей, – повторил он. – Мы ведь все время хотели это сделать, помнишь? Она должна знать о своем происхождении, кто она такая. Только скажи ей, Мэнди, непременно скажи, пускай она никогда не забывает, что я всегда любил ее. Любил мою дорогую девочку».

«О, Колин, не уходи! – Она застонала во сне, протягивая к нему руки. – Останься со мной! Я так люблю тебя, Колин! Дорогой Колин! Люблю такого, каким ты был».

Но она не могла удержать его, как не могла прервать и тяжелый сон.

«...О, как прекрасно увидеть снова Ирландию, – думала она, окутывая, подобно туману, зеленые холмы, которые помнила с незапамятных времен. – Увидеть, как блестит серебряная лента реки, опоясывающая ее родную землю. Бесценный дар!»

И еще Томми. Там ждет Томми. С любовью он глядит на нее, улыбается ей.

Но отчего всюду такая печаль? Ведь она вернулась, она снова чувствует себя молодой, трепещет от предвкушения любви.

«Я уж думал, что никогда не увижу тебя», – говорит он. – «Но почему? – возражает она со смехом. – Я же вернулась к тебе, Томми».

Он пристально смотрит на нее. Или ей кажется? Но, как ни пытается она приблизиться к нему, ей это не удастся. Однако голос его так же ясен и мягок, как всегда... как всегда.

«Я люблю тебя, Аманда. Всегда любил. Не было дня, чтобы я не думал о тебе, не вспоминал о том, что мы с тобой обрели».

В своем сне она видит, как он обернулся и смотрит на зеленые мягкие берега реки, на тихие воды.

«Ты назвала ее по имени реки, в память о тех наших днях. Шаннон...»

«Она так прекрасна, Томми. Такая милая, красивая и крепкая. Ты можешь гордиться ею».

«Я горжусь. И как бы я хотел... Но об этом не могло быть и речи. Мы знали это. Ты знала это. – Со вздохом он отвернулся от реки и, глядя ей прямо в глаза, сказал: – Ты все сделала для нее, что могла, Аманда. А теперь тоже оставляешь ее. Боль от этого и от тайны, которую ты носила в себе все эти годы, делает твои дни и часы еще тяжелей».

Расскажи ей, Аманда. Пусть она все узнает о себе. И не забудь сказать ей, что я всегда любил ее, только у меня не было возможности показать ей это».

«Но как же? – думает она, окончательно освобождаясь от образов, навеянных сном. – О боже, как я расскажу ей это одна, без их помощи?»

– Мама! – Слегка дрожащими от страха руками Шаннон нежно гладит влажное лицо матери. – Мама, проснись! Тебе, наверное, приснился плохой сон. – Шаннон хорошо знает сейчас, что это такое – мучиться от дурных снов и бояться пробуждения. Каждое утро она сама просыпается со страшной мыслью, что мать уже умерла. «Нет, не сегодня, – молила она про себя. – Еще не сегодня!»

– Проснулась, мама?

– Шаннон... Они ушли. Они оба ушли. Их отняли у меня.

– Успокойся, мама. Не плачь. Пожалуйста, не надо плакать. Открой глаза и погляди на меня.

Веки Аманды медленно открылись. В глазах стояла безысходная печаль.

– Прости. Я так виновата. Но я старалась делать только то, что было хорошо для тебя. Я...

– Конечно, мама, я знаю. – Она с ужасом подумала, что метастазы раковой опухоли уже распространились в мозг. Неужели ей недостаточно того, что она получила кости в свое распоряжение? Шаннон мысленно послала проклятие страшной болезни, проклятие богу, но голос ее был полон нежности, когда она снова заговорила: – Все в порядке, мама. Я здесь. Я с тобой.

Аманда глубоко вздохнула, что стоило ей огромных усилий. Опять перед глазами проплыли образы из сна – Колин, Томми и Шаннон, ее дорогая девочка. Какие у нее испуганные глаза! Совсем как в тот день, когда она вернулась из Нью-Йорка сюда, в Колумбус, штат Огайо.

– Все хорошо, – выдохнула Аманда. Чего бы она ни сделала, чтобы из глаз дочери исчез этот ужасный страх! – Я так рада, что ты здесь. И молю простить за то, что совсем скоро должна буду покинуть тебя. Навсегда. Извини, если напугала. Уже успокоилась?

Страх не отпускал Шаннон, металлическим обручем обхватив горло, но она качнула головой, соглашаясь со словами матери. Шаннон почти уже привыкла к чувству страха, оно было с ней неразлучно с той самой минуты, как в ее конторе в Нью-Йорке раздался телефонный звонок и ей сообщили, что мать умирает.

– Тебе больно, мама?

– Нет-нет, не беспокойся. – Аманда опять сумела сделать глубокий вдох. Боль была с ней – ужасная боль, она не прекращалась ни на миг, но Аманда ощутила прилив сил. Сейчас они были особенно нужны, чтобы сказать наконец то, что должна была сказать уже давно, но все не могла решиться. Даже за те несколько недель, что ее дочь находилась с ней неотлучно. Однако больше ждать нельзя. Времени не остается. Почти не остается.

– Можно мне немного воды, дорогая?

– Конечно, мама.

Из кувшина, стоящего на столике рядом со специально оборудованной кроватью, Шаннон налила воду в пластиковый стаканчик, опустила в него соломинку и поднесла матери, предварительно приподняв изголовье. Вся комната в этом комфортабельном доме походила на больничную палату – таково было желание Аманды, она хотела умереть в своем доме, в собственной кровати.

Тихо играла музыка. На столике лежала книга, которую принесла с собой Шаннон, чтобы почитать матери вслух, но про которую забыла, испуганная видом больной и ее стопами, когда та с трудом пробуждалась от своего странного сна.

Когда Шаннон бывала одна, она старалась убедить себя, что матери становится лучше, что с каждым днем та выглядит бодрее. Но стоило лишь взглянуть на ее землистого цвета кожу, на страдальчески опущенные уголки рта, на тускнеющие глаза, как с неодолимой ясностью она понимала: надежды нет – конец близок.

Ей оставалось только одно: сделать так, чтобы последние дни матери были не столь мучительны – в чем помочь мог один лишь морфий, да и тот был не в силах унять боль, она все равно точила измученное, обессиленное тело.

Шаннон вдруг поняла, что больше не выдержит. Ей нужна минута, всего минута, чтобы побыть одной и вновь обрести утраченную смелость смотреть в глаза надвигающемуся, неизбежному.

– Пойду принесу тебе свежий платок для лица, – сказала она.

– Спасибо.

«Это даст мне возможность, – подумала Аманда, – с божьей помощью справиться с мыслями и найти правильные слова, которыми я смогу выразить то, что решила наконец сказать».

1

К этой минуте Аманда внутренне готовилась много лет, втайне надеясь, что она никогда не наступит. Ведь то, что можно считать честным и справедливым по отношению к одному из двух мужчин, которых она любила в своей жизни, было бы жестоким и несправедливым в отношении другого. В любом случае.

Но сейчас никого из них уже нет, поэтому можно не принимать их в расчет. А также и себя – свой собственный позор.

Сейчас осталась Шаннон. И думать нужно только о ней. О ее чувствах.

Милая, чудесная дочь, которая всегда приносила ей одну лишь радость. Кем она постоянно гордилась. Кого так любила и любит...

Невыносимая боль пронзила все тело, Аманда заскрежетала зубами. Что ж, к этой боли прибавится сейчас другая, душевная, – как следствие того, что произошло много лет далеко отсюда, в Ирландии, но не забывалось никогда.

Она увидела, как дочь входит в комнату. Быстрые легкие движения, полные нервной энергии. «Совсем как ее отец, – подумала Аманда. – Не Колин, нет. Милый, добрый Колин ходил, неуклюже переваливаясь, как перекормленный щенок».

Но Томас, Томми отличался какой-то воздушной походкой. Несвойственной фермеру.

И глаза у Шаннон тоже как у Томми. Ярко-зеленые, чистые, словно озеро в солнечный день. И густые каштановые волосы – дар Ирландии. Однако Аманде приятно было осознавать, что овал лица, матовый цвет кожи, мягкие полные губы – материнское наследие.

Зато не кто иной, как Колин, передал ее дочери свою уверенность в себе, ощущение решимости и чувство собственного достоинства.

Аманда нашла в себе силы улыбнуться, когда Шаннон промокнула ее влажное лицо.

– Я мало говорила тебе, как горжусь тобой, – сказала Аманда.

– Ты достаточно говорила, мама.

– Я позволяла себе выражать недовольство, что ты оставила живопись. Это было неумно с моей стороны. Мне следовало бы не забывать, что женщина должна сама выбирать свою дорогу.

– Ты никогда не пыталась отговорить меня от переезда в Нью-Йорк. Или от занятий коммерческим искусством. Но я продолжаю заниматься живописью, не думай. Почти закончила натюрморт, который, надеюсь, тебе понравится.

Почему, ну почему она не догадалась привезти с собой какие-нибудь холсты? Хотя бы альбом для эскизов, чтобы творить рядом с матерью и та могла бы следить за ее работой и получать удовольствие, хоть немного отвлекаясь от своих болей.

– Здесь, в комнате, висит моя любимая картина, – сказала Аманда, слабым жестом указывая на портрет на стене. – Твой отец, спящий в шезлонге в саду.

– Уставший после стрижки газона, – засмеялась Шаннон, усаживаясь возле постели. – Каждый раз, помнишь, как мы говорили ему, почему он не наймет кого-нибудь, он отвечал, что любит уставать как вол и потом спать как сурок.

– До конца своей жизни он умел смешить меня. Как мне его не хватает! – Аманда коснулась руки дочери. – Тебе тоже, я знаю.

– До сих пор мне кажется, он вот-вот войдет в дверь и крикнет: «Мэнди, Шаннон, натягивайте ваши лучшие платья, я только что получил с клиента кругленькую сумму, и мы отправляемся отметить это событие грандиозным обедом!»

– Да, он любил делать деньги, – воспоминания притупили боль, и Аманда улыбнулась. – Для него это было вроде игры. Не просто доллары и центы, не жадность и алчность, а именно игра. Забава. Удовольствие. Как переезд из города в город каждые несколько лет.

«А что, если попробовать этот город? А, Мэнди? Давай-ка тронемся в Колорадо. Или лучше в Мемфис? Как скажешь?»

Она затрясла головой в тихом смехе. Приятно было посмеяться, вообразив, что они с дочерью ведут обыкновенный разговор, как когда-то, в лучшие времена.

– Но уж когда приехали сюда, – продолжала она, – я сказала ему, что хватит – пожили цыганской жизнью, пора и остепениться. Займись свой дом. И он сделал его настоящим домом, о каком можно только мечтать.

– Он любил этот дом, мама. И я тоже. После всех переездов, которые мне тоже нравились – отец умел превращать их в настоящие веселые путешествия, – после всех переездов я сразу поняла, что здесь будет остановка надолго. – Она улыбнулась матери. – Мы обе это почувствовали, верно?

– Он был готов для тебя на все. Сдвинуть горы, бороться с тиграми... – Голос у Аманды задрожал, она с трудом преодолела волнение. – Понимаешь ли ты, Шаннон, *как* он на самом деле любил тебя?

– Конечно, мама. – Шаннон подняла руку матери, прижала к своей щеке.

– Помни об этом, девочка. Всегда помни. То, что я должна сказать тебе, возможно, причинит боль, разозлит тебя или смутит. Но все равно... И я очень сожалею... поверь...

У нее прервалось дыхание. Она со всей ясностью понимала сейчас, что сон, который приснился ей недавно, заключал в себе не только любовь и печаль, но был настойчивым напоминанием, что время не терпит, оно может оказаться куда скоротечнее тех трех недель, что были обещаны врачом. Кажется, Шаннон говорит что-то?

– Мама, я понимаю. Но всегда есть надежда... надежда...

– Я не о том. – Аманда поморщилась и обвела рукой комнату, временно переоборудованную в больничную палату. – Я о том, что было... было давно, дорогая. Когда мы поехали с подругой в Ирландию и остановились в графстве Клер.

– Никогда не знала, что ты была в этой стране. – Ей казалось странным даже думать сейчас об этом. – Только помню, как я удивлялась когда-то, что мы с отцом столько путешествовали, однако никогда не побывали в Ирландии, откуда тянутся ваши корни. Я тоже ощущаю их порой.

– Это правда так? – почти шепотом спросила Аманда.

– Я плохо умею объяснять свои чувства, но меня часто тянуло туда, когда оказывалось свободное время. А потом снова наваливались дела, и я... – Шаннон дернула плечом, как бы не понимая и не одобряя себя. – Кроме того, каждый раз, как только я заговаривала о поездке в Ирландию, ты, мама, качала головой и говорила, что есть много других интересных мест. Так было?

– Я не хотела туда возвращаться. Твой отец понимал это. – Аманда сжала губы, вглядываясь в лицо дочери. – Придвинься ко мне и послушай. И, пожалуйста... О, пожалуйста, попытайся понять меня!

Новый приступ страха охватил Шаннон. По спине пробежал холодок. Что еще? Но что же может быть хуже, страшнее смерти? И чего она так испугалась?

Она села на краешек кровати, взяла руку матери в свою и слегка сжала ее.

– Ты чем-то расстроена? – озабоченно спросила она. – Успокойся. Самое главное для тебя покой.

«Что я говорю? Боже мой! – мысленно оборвала она себя. – О каком покое речь?»

Пытаясь изобразить улыбку, Аманда проговорила:

– Итак, постарайся использовать все свое воображение художника.

– Говорят, оно у меня есть. Я готова, мама.

Господи, но в чем же дело? Неужели все путается у нее в голове? Не надо! Господи, только этого не хватало!

Подобие улыбки сошло с лица матери. Она медленно заговорила:

– Когда я была немногим старше тебя, я поехала со своей лучшей подругой – ее имя Кэтлин Рейли – в Ирландию. Для нас обеих это было большое событие. Мы росли в семьях со строгими правилами, и нам было уже за тридцать, когда мы смогли позволить себе проявить самостоятельность.

Она слегка повернула голову, чтобы лучше видеть выражение лица дочери, и продолжала:

– Тебе трудно это понять. Ты всегда была уверенной в себе, смелой. Но я в твоём возрасте и не пыталась быть самостоятельной.

– Ты никогда не была похожа на трусиху, мама.

Уголки губ Аманды дрогнули.

– Но я ею была. Да ещё какой! А мои родители – истые католики – были праведнее самого папы римского. Их главным разочарованием в жизни было то, что ни у одного из детей не оказалось настоящего призвания.

– Но ты же была единственным ребенком, мама. Сама же говорила.

– Я имела в виду, что у меня с определенного времени не стало родных, и это было чистой правдой. А вообще в нашей семье было четверо детей – ещё два брата и сестра. Я потеряла их всех до того, как ты родилась.

– Потеряла?! Боже!

– Не так, как ты подумала... – Она замолчала, вспоминая о Колине, о том, вправе ли она даже теперь открыть дочери, кем он был ей на самом деле. Потом заговорила вновь: – У нас не было сплоченной семьи, Шаннон. Невзирая на все строгости воспитания, все требования. Невзирая на глубокую религиозность. Но я не об этом. Я вырвалась впервые из дома, крупно повздорив с родителями, однако это не намного уменьшило чувство радости от первого самостоятельного путешествия. Мы с Кэтлин были похожи на двух школьников, удравших с урока. Сначала отправились в Дублин, конечно. Потом – куда повели нас наши географические карты и наши носы. Ах, какими свободными мы были!

«Как до удивления легко восстанавливается в памяти былое!» – подумала Аманда, сделав передышку, чтобы восстановить дыхание. И это после стольких лет, когда она насильно подавляла воспоминания. А вот теперь они свежи и чисты, как вода в роднике. И она словно слышит залиvistый смех Кэтлин, неровный гул мотора крошечного автомобиля, который они тогда наняли. Заново переживает, когда они сбиваются с дороги, поворачивая не туда. Радует, если все же оказались в намеченном месте.

Первое яркое впечатление от вида грозных остроконечных скал, душевный покой при взгляде на зеленые холмы и поля. Радостное ощущение, что она наконец-то вернулась домой – чувство, которого Аманда никак не ожидала и которое больше к ней так никогда и не вернулось.

– Мы много чего увидели по дороге, дорогая, а потом, когда оказались на западе, осели в небольшой прелестной гостинице с видом на реку Шаннон. Оттуда мы продолжали свои поездки в разных направлениях. Скалы Мора, Голуэй, берега Баллибеньона, многочисленные живописные местечки, о существовании которых даже не подозреваешь, пока случайно не наткнешься на них.

Она подняла глаза на дочь, и Шаннон отметила, что взгляд матери стал живым и ясным.

Аманда опять заговорила:

– О, как мне хочется, чтобы ты побывала там! Посмотрела своими глазами, почувствовала все волшебство тех мест. Морские волны, с грохотом разбивающиеся о скалы и превращающиеся в водяную пыль. Их особый цвет. А как пахнет воздух под нежным теплым дождем, как завывают ветры Атлантики. А дневной свет! Он словно жемчуг с примесью золота.

«Вот это любовь, а я о ней даже не подозревала, – подумала Шаннон, удивленная и зачарованная. – Любовь, которая подсказывает слова, как из книги...»

– Нет! – грустно вздохнула Аманда. – Не думай, я больше никогда не возвращалась туда. Хотя сколько раз мечтала, строила планы. Решала и передумывала, понимая, что прежнего ощущения уже не будет. Оно приходит единожды. Верно?

Это был не столько вопрос, сколько утверждение, и Шаннон молчала, ожидая, что мать скажет дальше.

Аманда прикрыла глаза. В ней вновь взбунтовалась боль, которой она отказывалась подчиняться. Она всеми силами старалась не обращать на нее внимания, не позволить отвлечь от того, что хотела сказать, что *должна* была сказать.

– Как-то утром, – преодолевая боль, вновь заговорила она, – был уже конец лета, и часто шли дожди, Кэйт не очень хорошо себя почувствовала и решила остаться в постели, почитать и вообще понежиться. А я наоборот. Меня куда-то тянуло, хотелось двигаться. На душе было беспокойно, тревожно. В общем, я села в машину и поехала. Сама не зная куда. И очутилась в местечке, которое там называли Луп-Хед. На самом берегу океана, где высокие скалы. Я вышла из машины и пошла по тропинке. Дул жуткий ветер, он приносил запахи моря. Дождь, казалось, усилился. Могучие волны беспрестанно бились о подножия скал, в ушах у меня словно стучали сотни барабанов. – Она замолчала. Потом заговорила еще медленней и тише: – Там я увидела мужчину. Он стоял неподвижно и пристально глядел на море. Туда, где за пеленой дождя, за громадой волн находилась Америка. Больше там ни души не было, он присел в своем мокром плаще, с козырька лились струйки воды. Мужчина улыбнулся так, словно ожидал меня увидеть, будто для того и пришел. И стоял под дождем, на скалах...

Внезапно Шаннон ощутила беспокойство. У нее появилось непонятное желание прервать Аманду. Пусть она отдохнет, а потом, когда-нибудь, продолжит свой рассказ. Когда? Пальцы Шаннон непроизвольно сжались в кулаки, она ощутила какой-то комок в груди... Нет, мать должна продолжить, должна сказать то, что хочет. Ей это, судя по всему, необходимо.

– Он не был молод, – чуть слышно продолжала Аманда. – Но лицо приятное. И такая печаль, такая тоска в глазах. Совершенно потерянный взгляд, несмотря на улыбку. Он пожелал доброго утра и сказал, какой хороший день – это когда дождь как из ведра лил нам на голову, а ветер колотил лицо тысячью иголок. Я рассмеялась, потому что в самом деле мне вдруг подумалось, что день совсем неплохой и что я почти уже привыкла к музыке волн и ветра и вообще к особенностям западной Ирландии. А еще мне понравился голос мужчины, и я готова была слушать его еще и еще. Так мне тогда казалось.

Мы стояли и разговаривали словно дома, в гостиной. О чем? Да обо всем: о моем путешествии, об Америке. Он сказал, что он фермер, только очень неудачливый, и это особенно печально, потому что у него две маленькие дочери, о которых нужно заботиться. Когда он рассказывал о детях, грусть исчезла из его глаз, они загорелись радостью. Он очень нежно произносил их имена – Мегги Мэй, Бри. А о своей жене говорил совсем мало.

Аманда прикрыла глаза, с усилием открыла их снова.

– Потом вдруг проглянуло солнце, – со вздохом сказала она. – Мы как будто плыли в его лучах вместе с тучами, которые постепенно рассеивались. Мы шли по узким тропинкам среди скал и разговаривали, разговаривали, словно знали друг друга всю жизнь. Среди тех высоких грохочущих скал я вдруг почувствовала, что влюбилась в него, незнакомого немолодого мужчину, и это испугало меня. – Аманда метнула пытливый взгляд на дочь, нашла ее руку. – Мне было стыдно перед самой собой, – продолжала она. – Ведь он женат, у него дети. Не знаю, заметил ли он что-нибудь тогда, в то утро, и что почувствовал сам, но в моей душе

уже не совсем юной, но все еще невинной девушки появилось ощущение греха. Впрочем, не такое уж сильное, чтобы заглушить возникшее чувство.

Для нее было облегчением, когда пальцы дочери сильно сжали ей руку, переплелись с ее пальцами.

— Не только во мне родилась любовь. Мы виделись еще несколько раз. О, вполне невинно. В пивной, снова на скалах Луп-Хеда. Как-то он взял нас с Кэйт на небольшую ярмарку возле Энниса. Но долго так безгрешно все не могло продолжаться. Мы оба были далеко не дети, и то, что испытывали друг к другу, оказалось таким сильным, таким важным для нас и, клянусь тебе, таким красивым чувством, что мы не устояли... Кэйт, конечно, знала... Каждый, кто посмотрел бы на нас, мог легко все понять. И она отговаривала меня, как подруга. Но я впервые любила и была так счастлива, как никогда и нигде раньше. Да, мы стали близки. Он никогда не давал обещаний. Мы мечтали, да, но ничего не обещали друг другу. Его сдерживала семья: жена, у которой не было к нему любви, и дети, которых он обожал.

Аманда облизнула сухие губы, сделала через соломинку несколько глотков, когда Шаннон молчаливо протянула ей стакан. Помолчала, приближаясь к тому, о чем говорить становилось все труднее.

— Я знала, что делала, Шаннон. Скорее я была инициатором нашей близости. Он был моим первым мужчиной, и он вел себя так внимательно, нежно и с такой любовью, что после того, как все произошло, мы оба разрыдались оттого, что поняли: мы обрели друг друга слишком поздно и наше будущее выглядело безнадежно.

И все же мы строили безумные планы: как он, обеспечив жену всем необходимым, уедет ко мне в Америку с двумя дочерьми, и там мы заживем одной семьей. Он отчаянно мечтал о настоящей семье. Так же, как и я. Мы без конца говорили об этом в комнатухе, выходящей окнами на реку, и временами верили, что так оно и будет... Все это длилось целых три недели, и каждый из дней становился чудесней предыдущего. Но мне предстояло расстаться с ним. И с Ирландией. Он обещал, что будет часто приходить на скалы, туда, где мы встретились, и глядеть через воды океана в сторону Нью-Йорка... в мою сторону...

Его звали Томас Конкеннан, и был он, как я уже сказала, фермером... И поэтом.

Аманда замолчала. Шаннон тоже хранила гробовое молчание, а когда задала вопрос, голос у нее был напряженный, неуверенный:

— А ты... Виделись ли вы когда-нибудь потом?

— Нет, — ответила мать. — Я писала ему иногда, и он отвечал... — Сжав губы, она пристально посмотрела в лицо дочери и, решившись, продолжила: — Вскоре после моего возвращения в Нью-Йорк я поняла, что беременна.

Шаннон затрясла головой, как бы не желая верить.

— Беременна? — переспросила она. Снова тряхнула головой и попыталась высвободить руку из пальцев матери. Она догадывалась уже, что будет сказано дальше, и не хотела этого слышать. — Но... Но зачем? Разве...

— Я была во власти любви. — Аманда еще крепче, насколько хватало угасающих сил, опять сжала руку дочери. — С самого начала это было сильнее меня. Никогда до того я и не мечтала, что у меня будет ребенок, что я найду кого-то, кто полюбит меня настолько, чтобы захотеть от меня ребенка. Но сама я очень хотела иметь этого ребенка. О, как хотела! И благодарила бога, что он послал мне такого человека. А печаль и сожаление испытывала лишь потому, что понимала: никогда не разделить мне с Томасом того, что принесла нам наша любовь. Никогда...

Снова молчание. И потом:

— Его ответное письмо на мое сообщение о ребенке было полубезумным. Он хотел немедленно бросить все и приехать, потому что я не должна быть одна в такое время, он

боится за меня. Я знала, что он сделает то, о чем писал. Но также знала, что это было бы непорядочно по отношению к его семье, неправильно. В то время как моя любовь к нему не была ошибкой. Я написала ему свое последнее письмо, в котором впервые солгала, когда сообщила, что ничего не боюсь, что я не одна и собираюсь уехать из Нью-Йорка...

– Ты устала, мама. – Шаннон не хотела больше ничего слышать об этом. Она чувствовала, ее мир покачнулся, и нужно что-то сделать, чтобы восстановить в нем равновесие. – Ты говорила слишком долго. Отдохни, и пора принять лекарство.

– Он бы полюбил тебя! – В голосе Аманды была бессильная ярость. – Если бы у него только была возможность. В душе я всегда знала, что он любит тебя, хотя никогда не видел.

– Перестань, мама. Не надо больше... – Шаннон отодвинулась от нее, поднялась со стула. Она чувствовала легкую дурноту, вся кожа, казалось, сделалась сразу холодной и очень тонкой. – Не хочу дальше слушать. Мне не нужно...

– Ты должна, – громким шепотом прервала ее мать. – Прости за боль, которую причиняю, но ты должна знать все. Я уехала, – продолжала она, убыстряя речь. – Мои родные были в бешенстве, когда я сказала им, что беременна. Они велели мне убираться, требовали, чтобы я избавилась от ребенка. От тебя. Там, куда уеду. Чтобы все было сделано тайно и тихо, не вызвало пересудов, не навлекло позора на меня и на семью. Но я готова была умереть, только бы сохранить тебя, плод нашей с Томом любви. В своем доме я услышала много страшных слов, угроз и обвинений, приказов и требований. Они лишили меня средств к существованию. Отец сумел наложить запрет – он понимал толк в этих делах – на мой счет в банке, где лежали деньги, оставленные мне бабушкой. Денежные дела всегда были для него главными в жизни. Ведь деньги дают силу и могущество.

Чувствовалось, как ей трудно говорить, но она превозмогла себя.

– Я ушла из дома без сожаления, с теми деньгами, что оставались у меня в сумочке, с одним-единственным чемоданом.

У Шаннон не проходило ощущение, что она пребывает под водой, пытаясь выбраться на поверхность и глотнуть хоть немного воздуха. Но все же она сумела с предельной яркостью представить себе, как ее мать – молодая, беременная, почти без денег – выходит из дверей дома, где родилась, чтобы никогда не вернуться.

– И никого не было, кто бы мог помочь тебе, мама?

– Я знаю, Кэйт сделала бы это. Но ее осудили бы, а я не хотела, чтобы моя подруга страдала из-за меня, из-за того, что они считали моим позором. Я села в поезд и уехала на Север. Нашла там работу на курорте в Кэтскиллз. Официанткой. Там я встретила Колина Бодина.

Аманда замолчала. Она смотрела, как Шаннон отошла от кровати и направилась к камину, в котором угасало пламя. В комнате стояла полная тишина, если не считать легкого шипения углей и порывов ветра за окном. Но Аманда слышала грохот бури, разыгравшейся в душе ее дочери, ее ребенка, кого она любила больше жизни. И это причиняло дополнительные страдания.

С трудом она заговорила вновь:

– Он тогда отдыхал там вместе с родителями. Я почти не обратила на него внимания. Еще один из тех богатых, с большими возможностями, кого я обслуживала. Для меня у него всегда была в запасе какая-нибудь шутка, и он заставлял меня улыбаться, хотя мне было совсем не весело – я думала только о работе, о жалованье и о новом существе, которое росло внутри меня.

Однажды разыгралась ужасная гроза, такой я раньше не помнила. Большинство отдыхающих решили остаться в своих домиках, и нужно было приносить им завтрак туда. И делать это быстро, чтобы он не успел остыть и никто из гостей не пожаловался. Когда я спе-

шила в один из домиков, из-за угла выскочил Колин, мокрый, как бездомный пес. Господи, как же он был неуклюж!

Глаза Шаннон, продолжавшей смотреть на тлеющие угли камина, наполнились слезами.

– Он рассказывал, как вы познакомились, – сказала она дрогнувшим голосом, не обращаясь. – После того, как сбил тебя с ног.

– Да, так оно и было. И мы не притворялись, когда говорили тебе, что это стало началом нашей любви. Он сбил меня тогда с ног, я свалилась прямо в грязь вместе со своим подносом и всем, что на нем было. Он начал извиняться, пытался поднять меня, а я сидела в грязи и плакала. Я боялась, что теперь меня уволят, и еще болела спина и устали ноги от непрерывного таскания подносов. Сидела, и плакала, и не могла остановиться. Даже когда он все-таки поднял меня и повел к себе в комнату.

Легкая улыбка тронула ее лицо, в глазах появилась нежность, но Шаннон не видела этого.

– Он был такой милый. Усадил в кресло, хотя я была вся в грязи, накрыл ноги одеялом, потому что меня била дрожь. И держал за руку, пока я не перестала реветь и слезы не высохли у меня на лице. Он не отпускал меня, упрасывая пойти с ним вечером пообедать в знак примирения, и я наконец согласилась...

«Наверное, все это очень романтично, – думала Шаннон, – но в то же время ужасно... ужасно».

– Он не знал, что ты была беременна, – произнесла она полувопросительно.

На лице Аманды появилась страдальческая гримаса – от обвинения, прозвучавшего в голосе дочери, и от нового приступа боли, пронзившего все тело.

– Нет, тогда не знал, – решительно ответила она. – Никто не знал, иначе меня бы не взяли на работу. Тогда было другое время, и беременную незамужнюю женщину на сто миль не допустили бы до такого места, где отдыхали обеспеченные люди.

– Ты играла с ним в любовь и не призналась, что у тебя должен быть ребенок, – осуждающе бросила Шаннон, не поворачивая головы.

«И этим ребенком была я», – мысленно добавила она с горьким изумлением.

Тщетно стараясь поймать взгляд дочери, Аманда заговорила вновь еще медленнее, с еще большим трудом:

– Я росла и становилась женщиной, не зная любви. Ни родительской, ни мужской. Томас был первым лучом в этой непроглядной тьме. Но луч мелькнул, словно молния, и погас. Однако его блеск все еще слепил мне глаза, когда я встретила Колина. Слепил и не давал видеть никого другого. Чувства, которые я испытывала к Томасу, перешли на ребенка, зачатого нами вместе. А Колин... Тогда я была просто благодарна ему за доброе отношение. Но потом, вскоре, я поняла: между нами что-то большее.

– И позволила ему полюбить тебя?

Аманда глубоко вздохнула:

– Наверное, я должна была остановить его. Остановить себя. Не знаю... Он стал присылать цветы мне в комнату, пытался встретиться, когда у меня выпадала свободная минута. В общем, я наконец поняла, что дело тут не просто в хорошем отношении, в доброте, а в том, что он пытается «серьезно ухаживать за мной», как раньше говорили. Это испугало меня, и тогда я подумала: ведь этот добрый человек не знает, что я ношу в чреве ребенка от другого хорошего человека. И рассказала ему все... Конечно, я была уверена, что на этом наше знакомство окончится, и заранее горевала, потому что так нуждалась в друзьях. Он выслушал меня, не прерывая, не задавая вопросов, не выражая осуждения. Когда я замолкла и дала волю слезам, он взял меня за руку и сказал... До сих пор помню слово в слово. «Будет

лучше, Мэнди, – сказал он, – если ты выйдешь за меня замуж. Я смогу позаботиться о тебе и о ребенке». Такими были его слова.

Слезы беспрерывно текли из глаз Шаннон, когда она повернулась к матери, лицо которой тоже было в слезах. Но в голосе дочери по-прежнему звучало холодное недоверие, когда она спросила:

– Все было так просто, как ты говоришь? Это правда?

– Да, потому что он полюбил меня. По-настоящему. Когда я поняла это, у меня стало еще тревожней на душе. И я, конечно, отказала ему. Думала, он говорит так больше всего из жалости, в силу своей доброты или каких-то еще чувств, которые только в книжках и описываются, а в жизни никогда не бывают. Мелькнула даже мысль: может, он вообще немного того, не в себе. Но он настаивал. Ах, как он настаивал... – Легкая улыбка чуть обозначилась на ее бледных губах. – Даже когда я разозлилась и крикнула, чтобы он оставил меня в покое, он продолжал настаивать. Наверное, я была как скала, а он... он словно волна, которая упорно и настойчиво подтачивает камень, пока тот не поддастся. Он дарил мне детские вещи. Можешь представить себе мужчину, который ухаживает за женщиной, преподнося ей пеленки и соски для ее будущего ребенка?! А в один прекрасный день пришел и сказал, чтобы я отдала ему свои водительские права, он перерегистрирует их. Я сделала это и через два дня обнаружила, что мы с ним состоим в браке.

Она бросила на дочь острый взгляд, предваряя непереносимый вопрос.

– Не стану обманывать тебя и говорить, что любила его. Тогда – нет, просто чувствовала расположение и огромную благодарность, которую этот человек заслужил. Его родители были, конечно, в панике. Так я думаю. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Они погибли, бедные, в автомобильной катастрофе. Мы остались вдвоем с ним. И еще – ты. Я дала самой себе клятву быть ему хорошей, верной женой и перестать думать о Томасе. Но последнего выполнить не смогла. Только через много лет я поняла, что нет никакого греха в том, чтобы помнить первого человека, которого полюбила, и что память о нем вовсе не означает неверность мужу.

– Мужу да, но не отцу... – выговорила Шаннон омертвевшими губами. – Он всю мою жизнь был твоим мужем, но не моим отцом.

– Он *был* твоим отцом! – Впервые с начала этого долгого разговора – почти монолога – в голосе Аманды послышались повелительные нотки. – Не смей думать и говорить по-другому!

– Ты сама только что заговорила по-другому, – с горечью сказала Шаннон. – Открыла мне впервые такое...

– Он любил тебя, когда ты была еще вот здесь! – Слабым движением руки Аманда указала на свой живот. – Принял нас обоих без колебаний и сомнений. Без попреков или гордости за то, что совершил не совсем обычный поступок. – Сейчас она говорила быстрее, насколько позволяла усиливающаяся боль. Словно хотела обогнать ее. – Я уже сказала: меня мучило чувство стыда перед этим человеком, кто чуть ли не в один миг так круто изменил мою жизнь... Нашу с тобой жизнь... Стыда за то, что не могу ответить любовью на его любовь... Потом ты появилась на свет, и я увидела, как он был рад этому, как осторожно, с большой нежностью держал тебя в своих огромных неуклюжих руках, словно ты была сделана из стекла. Я увидела это, и во мне проснулась любовь. Я полюбила его, как только может женщина любить мужчину. И люблю. С того самого дня и до сих пор. Он твой отец. Он тот, кем хотел быть Томас, но не мог. И если мы о чем-то жалели с Колином, то лишь о том, что у нас больше не было детей, которые бы могли принести нам ту же радость, что и ты, Шаннон...

– Считаешь, мне легко принять все это? – В голосе Шаннон звучала злость, за которой она старалась скрыть истинные чувства: безграничную печаль и горе, охватившие душу.

Женщина в постели на какое-то мгновение стала ей чужой, как, впрочем, и она самой себе. – Думаешь, это ничего не меняет в моей жизни?

– Думаю, тебе нужно время, чтобы понять и принять. Поверить, что мы оба любили тебя. Всегда.

Тихие слова матери потрясали сильнее грома. От ее привычного мира остались лишь руины. Все, чему она верила сама и говорила другим, все мысли, слова, поступки оказались фальшивыми, мнимыми. Невольный маскарад, нечаянное актерство.

– Принять?! – почти крикнула она. – Что ты переспала с женатым человеком, забеременела и потом выскочила замуж за первого встречного, лишь бы выкрутиться из положения, в какое попала! Принять обман и ложь, которыми ты окружила меня с рождения?!

– Твоя злость оправдана, – тихо сказала Аманда, нечеловеческим усилием подавляя в себе боль – телесную и душевную.

– Злость? Ты считаешь, то, что я услышала сейчас, может вызвать только такое примитивное чувство?! Господи, почему ты так поступила?! Как могла скрывать от меня все эти годы? Заставлять верить, что я та, кем никогда не была?!

– Ты всегда была и осталась самой собою, – с отчаянием прошептала Аманда. – Колин и я поступили так, как считали лучшим для тебя. Мы ждали... выбирали момент, чтобы сказать, и так и не собрались. Мы...

– Раздумывали, да? – Она еле сдерживалась, сама в ужасе от появившегося жестокого желания схватить за плечи это слабое, тщедушное существо и основательно потрясти его. – Как удобней – в среду или, может, в пятницу рассказать Шаннон, что она появилась на свет в результате малюсенькой ошибки, произошедшей на западном побережье Ирландии? Открыть эту пустую, ничего не значащую тайну или подождать еще немножко? Раздумывали!

– Только не ошибка! Никакая не ошибка! Наоборот, чудо! Диво! Черт возьми, Шаннон... я...

Она не договорила, страшная боль пронзила все тело, прервав дыхание, раздирая в клочья все внутри. В глазах потемнело.

Но она сумела почувствовать, как уверенная рука приподняла ей голову, на языке оказалась таблетка и кто-то голосом ее дочери, добрым и успокаивающим, проговорил:

– Выпей воды и проглоти. Вот так. Еще немного. А теперь ложись и закрой глаза.

– Шаннон!

Рука дочери была на ее руке, она ощутила легкое пожатие.

– Я здесь, мама. Здесь. Боль сейчас пройдет. Через минуту. А ты постарайся уснуть. Ладно?

Боль ослабевала, но, словно туман, нахлынуло бессилие, окутало все тело с головы до пят. «Опять не хватило времени, – подумала Аманда. – Почему всегда не хватает времени?»

– Постарайся не возненавидеть меня, – пробормотала она, исчезая в тумане. – Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

Шаннон долго еще сидела у постели матери, поглощенная собственной печалью, после того как та уснула.

Больше Аманда не проснулась.

2

Отделенная всей ширию океана от того места, где одна из дочерей Тома Конкеннана оплакивала смерть своей матери, другая его дочь радовалась рождению новой жизни.

Брианна Конкеннан Тейн держала в объятиях свою новорожденную дочь и с изумлением вглядывалась в огромные голубые глаза с неправдоподобно длинными ресницами; рассматривала крошечные пальчики с такими же крошечными безупречной формы ноготочками, малюсенький ротик, который, она готова была поклясться чем угодно, был растянут в улыбке. Улыбке, адресованной ей, матери этого удивительного существа.

Всего час назад это свершилось, и она почти уже совсем забыла свои невероятные усилия, боль и все страхи.

А теперь у нее ребенок.

– Она совсем настоящая, – с благоговением произнес Грейсон Тейн, осторожно прикасаясь к щеке ребенка. – И она наша! – Больше он ничего не мог сказать от волнения. Кейла, его дочь Кейла! Такая маленькая, нежная. Такая беспомощная. Он ощутил комок в горле и судорожно сглотнул. – Как думаете, я понравлюсь ей?

Выглядывающая из-за его плеча свояченица хмыкнула:

– Будем надеяться. – Она обняла Грейсона за талию и наклонилась, чтобы лучше рассмотреть ребенка. – У нее будут волосы такого же цвета, как у тебя, Бри. Сейчас они темнее, но, ручаясь, вскоре станут рыже-золотистые.

Брианна просияла: ей было приятно услышать это от своей сестры Мегги. Она погладила головку дочери, мягкую и податливую, как поверхность воды.

– Зато у нее мой подбородок, – сказал Грейсон Тейн с надеждой, но не совсем уверенно.

– Как это типично для мужчины! – Мегги с улыбкой подмигнула своему мужу Рогану Суини, стоявшему тут же, по другую сторону больничной постели роженицы. – Женщина проходит через муки беременности: ее всю дорогу тошнит, у нее опухают ноги, она месяцами ходит вперевалку, как гусыня. Потом эти страшные родовые схватки...

– Не вспоминай! Хватит!

Грейсон содрогнулся, словно сам испытал все то, что перечислила Мегги. Возможно, Брианна уже забыла обо всем, через что прошла, но он не скоро забудет. Просто не сможет. Так он искренне полагал. Впечатления последних недель, и особенно сегодняшнего дня, будут жить в его мыслях и снах долгие годы.

Рождение... Как писатель, он без особого труда мог припомнить однозначные слова: «появление», «возникновение». Но ни одно не в состоянии вобрать в себя все то, что произошло, что он увидел собственными глазами! Для этого нужен, вероятно, какой-то другой язык – более образный и точный.

Мегги нравился Грей, и, может быть, именно потому она не удержалась от того, чтобы еще немного подразнить его, поиграть на нервах.

– Так сколько же часов продолжались схватки? – с серьезным видом спросила она. – Кажется, восемнадцать? Почти три рабочих дня, Бри. Я верно подсчитала?

Брианна не могла не улыбнуться, заметив, как побледнел ее муж.

– Да, вроде того, – согласилась она. – Но все уже позади. И мне все время помогали советами, как дышать. Бедняга Грей чуть не поднял целую бурю в палате, показывая, как надо вдыхать и выдыхать.

– Мужчины делают трагедию из того, что им приходится порою сидеть по семь часов в сутки за письменным столом. – Мегги потрянула головой, провела рукой по своим огненно-рыжим волосам. – И еще имеют совесть называть нас слабым полом.

– Ну, тебе я этого никогда не говорил, – с улыбкой сказал Роган.

Он вспомнил, как Мегги боролась за рождение их сына Лайама. Как настоящий воин. Однако и отцы не всегда остаются безучастными, черт побери!

– Как твоя рука, Грейсон? – спросил он со значением.

Тот послушно взглянул на правую руку, поработал немного пальцами, сжимая и разжимая их.

– По-моему, они целы, – сказал он, вспоминая, как совсем недавно их, словно в тисках, сжимала рука Брианны. И особенно крепко, когда схватки становились почти нестерпимыми. Такая сила могла, наверное, сломать ему пальцы. Но он тогда не думал об этом.

– Ты был мужествен и ни разу не застонал, – похвалила его Мегги. – Но глаза у тебя начинали косить от боли, я заметила.

– Зато Брианна ни разу не ругнула его, – рассмеялся Роган и выразительно посмотрел на свою жену. – То, что говорила мне Маргарет Мэри, когда рожала Лайама, было, признаюсь, весьма изобретательно, но абсолютно нецензурно.

– Тебе бы испытать такое удовольствие, Роган, от которого женщина теряет не меньше восьми фунтов веса, я посмотрела бы, какие ругательства ты бы изобрел. Все, что он сказал, – весело продолжала Мегги, – когда впервые взглянул на Лайама, что нос у мальчика совсем отцовский.

– Но это и в самом деле так! – воскликнул Роган.

– Как тебе сейчас? – Грейсон заботливо вглядывался в лицо Брианны. Оно было по-прежнему бледным, но из глаз исчезло выражение сосредоточенной тревоги.

– Все хорошо. – Она провела слабой рукой по его лицу, которое так ей нравилось. Особенно рот и глаза с золотистыми искорками в них. – И я не буду настаивать, чтобы ты выполнил обещание, которое опрометчиво дал, когда меня мучили схватки.

– Какое обещание?

– Никогда не прикасаться ко мне. – Со смехом она снова нежно погладила дочь. – Ты бы слышала, Мегги, как он кричал на доктора. Чтобы они сделали что-то и я больше не мучилась. «Пусть не будет ребенка! – на полном серьезе вопил он. – Но я не могу смотреть на эти мучения!»

– Хорошо вам, женщинам, – обиженно сказал Грейсон. – Отмучились, и все. А мы страдаем и до ваших родов, и после. Да еще выглядим в глазах врачей и сестер глупцами и грубиянами.

– Да, равноправия нам не видать, – притворно вздохнул Роган и протянул руку Мегги. – Пора идти. Нужно сделать несколько звонков.

– Скоро мы вернемся к тебе, Бри, – пообещала сестра. – Будь молодцом.

Когда они ушли, Брианна посмотрела на Грейсона долгим взглядом.

– Вот и у нас настоящая семья, – счастливо прошептала она.

Вскоре в палату вошла няня и забрала ребенка, что ввергло Грейсона в состояние крайнего беспокойства.

– Зачем она это сделала? – поинтересовался он у Брианны. – Кроме того, мне не понравилось ее лицо. И выражение глаз. Что-то в них...

– Не сходи с ума, отец.

– Ты сказала «отец»? – Он расплылся в улыбке от уха до уха. – Скоро и она будет меня так называть. Отец, папа. Очень легкое слово, правда?

– Конечно. – Брианна протянула к нему руки, он наклонился и поцеловал ее. – Наша Кейла. Светлая, как солнышко.

– Кейла Тейн. – Он словно пробовал имя на вкус. – Кейла Маргарет Тейн. Первая женщина – президент Соединенных Штатов. У вас в Ирландии уже была женщина-президент.

Почему бы ей не стать президентом за границей? Если очень захочет. Ты еще больше похорошела, Брианна.

Он снова поцеловал ее, с некоторым удивлением признаваясь самому себе, что сказал чистую правду: жена выглядела сейчас необыкновенно красивой. Глаза блестели, волосы отливали золотисто-розовым цветом, на бледном пока еще лице уже начал проступать румянец.

– Я пойду, – сказал он. – Тебе необходимо уснуть.

– Уснуть? – Ее глаза округлились от удивления, и, засмеявшись, она притянула его для нового поцелуя. – Ты шутишь! Я не буду вообще спать. У меня появилось столько энергии! И я бы сейчас отдала полжизни за хороший сандвич и пригоршню чипсов!

– Хочешь есть? – Он с восхищением посмотрел на нее. – Что за женщина! А потом небось захочешь выйти и вспахать поле?

– Можно и поле. Я ведь не ела целые сутки, ты забыл об этом? Пускай они пришлют мне что-нибудь, скажи им.

– Больничная еда не для матери моего ребенка, нет! – Не привыкший еще как следует к словосочетанию «моя жена», с каким удовольствием он выговаривал сейчас «моего ребенка»! – Да, моя дочь! – Он поднялся с постели. – Сейчас побегу и принесу тебе лучший на всем западном побережье Ирландии сандвич!

Брианна откинулась на подушки, с улыбкой провожая его взглядом.

«Что это был за год», – подумала она, прикрывая глаза. Прошло ведь действительно не больше года с того момента, как они встретились, и еще меньше с той минуты, когда она полюбила его. А теперь они – семья.

Несмотря на свои слова о вечном бодрствовании, она почти сразу погрузилась в сон.

Когда Брианна открыла глаза, находясь еще в полусне, она вновь увидела Грейсона у своей постели. Словно тот никуда и не уходил, а так вот и сидел, все время глядя на нее.

– Она тоже спит, – услышала Брианна его слова. – Они разрешили ее подержать, когда я стал настаивать. Сказали кое-что не совсем почтительное об американцах, но все-таки снизили до просьбы родного отца ребенка. И она поглядела на меня, Бри, клянусь тебе! Прямо в глаза! В ее взгляде было понимание того, кто я такой! А еще пошевелила пальчиками – у нее такие чудесные ручки! – и взяла меня за палец. Да, да! И держала.

Он замолчал. Выражение счастья на его лице сменилось тревогой, граничащей с ужасом.

– Ты плачешь? – воскликнул он. – Отчего ты плачешь? У тебя что-то болит? Я сейчас же позову врача. Где тут кнопка вызова?

– Не надо, Грей. – Всхлипывая, она припала к его плечу. – У меня ничего не болит. Просто я ужасно люблю тебя. И ты говорил так трогательно о ней. У тебя было такое лицо...

– Никогда не думал, что все будет так, – пробормотал он, глядя ее волосы. – Так значительно, ни с чем не сравнимо. Наверное, я буду неплохим отцом.

Гордость и в то же время опаска, с которыми он произнес эти слова, вызвали у нее смех.

– Надеюсь, что так, – улыбнулась она. – Я верю в тебя.

– Я принес тебе гигантский сандвич и еще кое-какие мелочи. Осуши глаза от слез и взгляни. Можешь еще приподняться?

– Спасибо, Грей. – Она села, вытерла глаза, взглянула вокруг и снова заплакала. – О господи, какой же ты замечательный дурачина!

Вся комната была уставлена цветами – в горшочках, вазах, корзинках. Под потолком пестрели яркие разноцветные воздушные шарики причудливой формы. Большая фиолетовая собака, растянув пасть в улыбке, стояла в ногах постели.

– Собака для Кейлы, – пояснил Грейсон, вкладывая в руку Брианны сэндвич и несколько салфеток. – Не воображай, что для тебя. Сэндвич, наверное, остыл, а чипсов мало, потому что я не удержался и съел немного. Но зато полностью сохранил для тебя шоколадное пирожное.

Брианна стерла вновь набежавшие слезы.

– Хочу сначала пирожное.

– Уже празднуете?

В палату ворвалась Мегги с букетом желтых нарциссов. За нею шел Роган, лицо его заслонял огромный плюшевый медведь, которого он держал обеими руками.

– Добрый день, мать. – Он наклонился и поцеловал Брианну в лоб. Потом подмигнул Грейсону. – И тебе добрый день, отец.

– Она очень проголодалась, – с улыбкой пояснил Грей.

– И вам ничего не дам, – проговорила она с набитым ртом.

– У нас другие развлечения, – сказала Мегги. – Только что видели вашу наследницу. Несомненно, это самый красивый ребенок из всех, которые там были. У нее твой овал лица, Брианна, и твой прекрасный рот, Грейсон.

– Мерфи Малдун передает вам свои поздравления. – Роган наконец нашел место для плюшевого медведя. – Мы звонили ему. Он и Лайам как раз доедали пирог, который ты испекла перед тем, как попасть сюда, в эту палату.

– Как мило с его стороны, что он присматривает за вашим ребенком, – проговорила Брианна, все еще с набитым ртом.

Мегги отмахнулась от благодарности в адрес соседа.

– Ничего героического с его стороны, – фыркнула она. – Мерфи готов проводить с Лайамом целые сутки. Они одинаково довольны друг другом. О своей гостинице тоже можешь не беспокоиться. Миссис О’Малли присматривает за твоими гостями. Хотя лично я не понимаю, зачем ты пускала их все это время, зная, что тебе предстоит?

– Уж не тебе говорить, Мегги, – парировала сестра. – Помнишь, как мы пытались оттащить тебя от твоего стекла и печей, когда ты ходила беременная? А вообще я таким способом зарабатываю деньги, если помнишь. Как мама и Лотти? Уехали к себе?

– Да, недавно. – Ради спокойствия Брианны Мегги произнесла это с неким подобием улыбки, что было для нее равносильно подвигу. Их мать оставалась в доме у Брианны и не приехала навестить дочь, потому что боялась подцепить какой-нибудь вирус в родильном доме! Ничего необычного: Мейв Конкеннан в своем репертуаре. – Завтра, надеюсь, она удостоит тебя своим посещением и посмотрит на Кейлу. А сейчас...

Мегги замолчала, вопросительно взглянула на Рогана. Тот ответил на ее взгляд кивком головы, который мог означать лишь одно: продолжай и скажи о том, о чем хотела. Мегги подошла к кровати сестры, села на краешек, взяла руку Брианны.

– Хорошо, что сейчас нет матери. Нет, не смотри на меня так, я не имею в виду ничего плохого. Просто та новость, которую я сейчас сообщу, была бы для нее не слишком приятна. Человек, которого нанял Роган, ну, тот детектив, он считает, что на этот раз нашел Аманду. Конечно, может быть, опять ошибка, как уже бывало.

– Будем надеяться, что нет.

Брианна утомленно прикрыла глаза. Она вспомнила, как более года назад нашла у себя в доме три письма, присланных намного раньше ее отцу какой-то Амандой Догерти. Письма были явно любовного содержания, они потрясли и огорчили ее тогда. Но самое главное заключалось в том, что в них сообщалось о ребенке, рожденном этой женщиной от их отца, который, судя по всему, любил ее долгие годы. И она его тоже. Тогда Мегги с Брианной

и решили начать поиски этой женщины. Аманды. Однако все было напрасно; попытки не увенчались успехом. Неужели так будет и на этот раз?

Будто разгадав ее невеселые мысли, Грей мягко сказал:

– Ты ведь знаешь, Брианна, с каким трудом удалось найти хоть какие-то концы. Узнать, что ребенок действительно родился, что это была девочка.

– Да, у нас есть сестра, – тихо проговорила Брианна. – И нам известно ее имя, а также что ее мать вышла замуж. Но дальше все сведения словно уходят в песок. Их семья так часто переезжает с места на место. – Она крепко сжала руку Мегги. – Все-таки я так надеюсь, что на этот раз...

– Возможно. – Мегги не исключала этого, но и не слишком полагалась на сообщение их агента из Штатов. Кроме того, она не была уверена, что очень уж хочет познакомиться со своей сводной сестрой. – В сообщении говорится, – добавила она, – что этот человек находится теперь на пути в Колумбус. Это столица штата Огайо. Так что вскоре мы должны будем узнать еще кое-что.

– Отец одобрил бы наши действия. – Брианна уже не первый раз повторяла это. – Он был бы рад, что мы пытаемся их найти.

Мегги согласно наклонила голову и поднялась.

– Конечно, раз мы уже начали, то не остановимся на полпути. – «Только бы это не причинило никому лишних бед», – подумала она. – Но ты, Бри, постарайся не думать об этом хотя бы сейчас, когда у тебя появились совсем другие заботы.

– А ты сообщай мне, пожалуйста, все новости, Мегги.

– Обещаю. – Мегги окинула взглядом палату, улыбнулась. – Ты разрешишь мне увезти часть цветов к тебе в дом, пока не завяли? Они будут там встречать тебя и ребенка.

– Конечно, спасибо. Отправляйтесь скорей домой, вам надо выспаться.

– Мы так и сделаем, – пообещала Мегги.

Когда они шли по коридору к лифту, она озадаченно сказала Рогану:

– Напрасно Брианна возлагает какие-то надежды на встречу с нашими новыми родственниками. Если даже это произойдет, совсем неизвестно, захочет ли вновь обретенная сестра устремиться в ее широко открытые объятия.

– Но Брианна такой человек, – заметил Роган. – Тут уж ничего не поделаешь.

– Святая Брианна, – со вздохом, но без всякой иронии сказала Мегги. – Мало ей нашей матери. Будет очень печально, если появление на горизонте сестрицы принесет новые неприятности и обиды. О господи, зачем только она обнаружила эти письма!

– Не ворчи раньше времени! – Роган, нагруженный букетами цветов, вынужден был локтем нажать на кнопку лифта. – Еще ничего не известно.

– Потом будет поздно, – мрачно изрекла Мегги. – Она останется почти одна со всей сворой, если Грей через пару месяцев уедет на презентацию своей новой книги.

– Разве он ее не отменил?

– Хотел, но Бри воспротивилась. Не желает быть никому и ни в чем помехой. Особенно своему Грейсону. – Голос Мегги звучал все более раздраженно. – Воображает, черт ее побери, что вполне справится со всем: с ребенком, с гостиницей, переполненной этими чертовыми гостями, и с драгоценными неизвестными родственниками, если те изволят прибыть!

– Думаю, ты не ошибаешься, дорогая. – Роган смотрел на нее со снисходительной улыбкой. – Она действительно справится. Так же, как и ты бы на ее месте.

Мегги виновато взглянула на него:

– Возможно, ты прав. Дай мне часть цветов, тебя совсем не видно за ними! И вообще, о чем мы говорим, когда свершилось такое чудо, и у нас появилась прекрасная племянница?! Как нам не стыдно?

– Какие верные слова! А ты заметила, что у ребенка подбородок совсем как у тебя?

– По-моему, тоже. Не только подбородок. И знаешь что? Мне кажется, что теперь, когда наш Лайам начал уже ходить, мы можем подумать о том, чтобы преподнести ему братика или сестрицу.

Роган наклонился к ней и с трудом отыскал ее губы среди тюльпанов и настурций.

– Полагаю, ты опять совершенно права, – улыбнулся он.

3

– «Я Воскресение и Свет...»

Шаннон знала, что слова, которые произносил священник, предназначены успокоить, облегчить душу, даже, возможно, окрылить.

Она слышала их сейчас, в этот чудесный весенний день, у могилы матери; слышала в заполненной людьми и лучами солнца церкви во время траурной мессы. Все эти слова были знакомы ей с детства, с юности. Она опускалась на колени, вставала, садилась, отвечала на какие-то вопросы, следуя неизменному, хорошо известному ритуалу.

Однако ни успокоения, ни облегчения не наступало в ее душе и сердце.

Все происходящее даже не очень напоминало ей ритуал – оно было чересчур реальным, жизненным. Темное облачение священника, его красивый бархатный баритон; множество присутствующих, пришедших проводить усопшую в последний путь; яркие солнечные блики, сверкающие медные ручки гроба, утопающего в цветах. Приглушенные звуки плача, щебетанье птиц.

Она хоронила свою мать.

Возле свежей могилы находился другой, заботливо ухоженный могильный холм, с кажущимся совсем новым надгробием – могила того человека, которого она всю жизнь считала своим отцом. Ни тени сомнения не было у нее и не могло быть почти три десятка лет!

Ей полагалось плакать. Но она уже выплакала все слезы.

Ей полагалось молиться. Но молитвы не приходили к ней.

Она стояла там, слышала голос священника, разносившийся в чистом весеннем воздухе, но опять... в который раз видела себя: как входит в комнату к матери, не остывшая от злости и потрясения, желая задать еще несколько вопросов.

Она увидела, что мать спит, но оставшиеся невыясненными вопросы так мучили ее, так хотелось поскорее получить ответ, что она решила разбудить больную.

Осторожно – о, слава богу, что осторожно, – она прикоснулась к ее руке, но мать не пошевелилась, не открыла глаза.

И тогда ее охватил панический страх. Забыв про осторожность, она стала трясти неподвижное тело; она кричала и молила ее, не помня себя, ощущая только ужас и беспомощность. Это был настоящий истерический припадок.

А вслед за этим – неистовый звонок в «Скорую помощь», страшный путь в больницу и ожидание. Жуткое, бесконечное ожидание.

Теперь ожидание окончилось. Еще там, в больнице, как сказали ей врачи, не выходя из коматозного состояния, мать скончалась.

А после смерти, как говорил сейчас священник, она обретет вечную жизнь.

Все: медицинские сестры и доктора, друзья и соседи – говорили, что это благо для ее матери. Что смерть оградила ее от еще более страшных мучений и была безболезненной, ибо мозг и тело уже не воспринимали боль.

«Да, – подумала Шаннон, – страдают только живущие. Только они полны грехов и сожалений, только у них возникают вопросы, на которые нет ответов».

– Она сейчас с Колином, – услышала Шаннон чей-то приглушенный голос.

Она отпрянула назад и поняла, что все окончилось. Взоры людей были устремлены на нее. Сейчас ей предстоит принимать соболезнования, выслушивать утешения и рассказы о чьих-то собственных горестях.

Многие из тех, кто пришел сюда, на кладбище, поедут к ней домой. Там уже все приготовлено к поминанию. Все как надо, как положено.

Ее мать не любила никакой помпы, ничего парадного, и Шаннон следовала – во всяком случае, так ей казалось – желаниям матери. Простой гроб, цветы и музыка; простая церемония в церкви. В католической, разумеется.

После похорон дома все было тоже просто, без излишеств. Да у нее не было душевных сил устраивать по-другому. Все разошлись достаточно быстро.

И вот она наконец одна. И не знает, как быть. Чего она хочет? Что было бы сейчас разумным и правильным сделать?.. И по-прежнему нет слез и слов для молитвы. Мысленно она положила руку на гроб, прикоснулась к теплой, нагретой солнцем крышке; вновь ощутила запах роз.

– Извини, – сказала она, – за то, что я так... Такого не должно было быть между нами. В конце. И я не знаю, как теперь это устранить или изменить. Не знаю. Как проститься с вами обоими?

Перед глазами у нее возник надгробный камень:

КОЛИН АЛАН БОДИН

Любимый супруг и отец

«Даже это последнее слово, – подумала она с печалью, – вырезанное в граните, оказалось ложью. Как и все остальное. Вся жизнь!»

Несколько часов назад, когда она стояла возле могилы двух людей, которых всегда любила, она подумала, что, если бы ее сейчас спросили об одном-единственном желании, ответ был бы один: никогда не знать правды о своем рождении.

И это упрямое эгоистичное желание ляжет теперь на нее нелегкой ношей, которую она должна будет нести весь остаток жизни.

Ее вдруг потянуло в кабинет отца. Здесь мало что изменилось со дня его внезапной смерти около года назад. Огромный старинный стол, правда, не завален бумагами, но остальное на месте: компьютер, факс, модем и прочее оборудование, необходимое биржевому дельцу. Он ласково называл их своими любимыми игрушками, и Аманда сохранила все эти «игрушки» в неприкосновенности, чего нельзя сказать о его костюмах, обуви, его дурацких, как она считала когда-то, галстуках.

Остались нетронутыми и все книги на полках – главным образом о налогах, недвижимости, а также многочисленные счета.

Шаннон устало опустилась в большое кожаное кресло, которое сама лет пять назад подарила ему в очередное третье воскресенье июня, когда положено делать подарки своим отцам. Он любил это кресло, ему нравилось проводить рукой по гладкой коже цвета красного бургундского вина. Оно такое большое, смеялся он, что в него усядется целая лошадь! И он опускался в него и усаживал дочь к себе на колени.

Она пыталась убедить себя сейчас, что ощущает его присутствие, но понимала – старания напрасны: она ничего не чувствовала. Ничего. И именно это ее состояние яснее, чем недавняя погребальная месса, чем похороны на кладбище, открыло ей истину – она осталась одна. Совсем одна.

О, если бы она узнала раньше! А теперь уже нет ни времени, ни возможности что-либо изменить. Она не знала толком, что имела сейчас в виду: болезнь матери или правду, которая ей только что открылась. Или и то и другое...

Ну почему от нее так долго скрывали? И заболевание, и ее собственное происхождение?! Если бы она узнала раньше, может быть, сумела бы с помощью каких-то врачей-кудесников остановить течение болезни, отыскать новые лекарственные препараты. Можно было прибегнуть к гомеопатии, к протоновому излучению – она что-то слышала об этом способе. Но поздно. Болезнь была так скоротечна, ее не удалось прервать. Мать умерла.

И последние слова, с которыми к ней обратилась дочь, были произнесены с гневом, даже с презрением. О боже! Их никогда уже не взять обратно.

Она сжала кулаки, словно собиралась защищаться от невидимого врага, который был тут, рядом, она знала это. Поднявшись с кресла, она отошла от отцовского стола.

Наконец-то пришли слезы – обильные, жаркие и беспомощные. И одна лишь мысль билась в голове – мысль, за которую она себя ненавидела: почему мать не умерла раньше, чем открыла ей свою тайну?

Когда слез уже больше не было, ее начало клонить в сон. Почти не отдавая себе отчета в том, что делает, она поднялась на второй этаж, умыла лицо прохладной водой и легла, не раздеваясь, на постель.

«Нужно обязательно продать этот дом, – подумала она. – И всю мебель. И разобраться в оставшихся бумагах, документах».

Почему, почему она не сказала матери о том, что любила и любит ее?! Несмотря ни на что.

С тяжелым сердцем она погрузилась в сон.

Дневная дремота никогда не приносила ей облегчения. Особенно теперь. Проснувшись она меньше чем через час, нисколько не отдохнувшая. Мысли и тело продолжали оставаться в напряжении.

«Нужно выпить кофе, – подумала Шаннон, – и потом переключиться на неотложные дела: решить, что делать с домом, который она так любила, с вещами матери».

Она уже начала спускаться вниз, когда звонок у двери застал ее на лестнице. Кто это может быть? Неужели кому-то из соседей захотелось прийти утешить ее, предложить свое общество? Сейчас ей никто не нужен.

Но в дверях стоял совершенно незнакомый мужчина среднего роста, с небольшим животиком, выпиравшим из-под темного костюма. Волосы у него были с проседью, глаза острые и внимательные. У нее появилось неприятное ощущение, что эти глаза фотографируют ее.

– Мне нужно видеть Аманду Догерти Бодин, – сказал он.

– Это ее дом, – ответила она, пытаясь определить, кто он такой. Торговец? Не похож. – Я ее дочь. Что вам угодно?

– Всего несколько минут ее внимания, если позволите. Мое имя Джон Гоббс.

– Извините, мистер Гоббс, но это невозможно. Сегодня утром я похоронила свою мать, так что...

– О, приношу свои соболезнования и прошу простить за вторжение. – Однако, судя по всему, он не собирался уходить, а, наоборот, сделал еще шаг и вошел в холл. – Я только что прибыл сюда из Нью-Йорка и ничего не знал о вашем горе. Вы ведь Шаннон Бодин?

– Да. Что вы хотите, мистер Гоббс?

– Только немного вашего времени. Когда вам будет угодно. Назначьте, и я приду. Пускай это будет через несколько дней.

Какой настырный! Шаннон раздраженно дернула головой.

– Через несколько дней я тоже буду в Нью-Йорке.

– С удовольствием встречусь с вами там.

Да что он играет в секретного агента?! Она окончательно пришла в себя после недолгого беспокойного сна, и ей хотелось узнать, что нужно от нее этому человеку.

– Моя мать была знакома с вами, мистер Гоббс?

– Нет, мисс Бодин.

– Тогда о чем вы хотите со мной говорить? Я тоже не знаю вас.

– Мне поручено обсудить с вашей матерью один вопрос.

– Кем поручено?

– Моими клиентами.

– Клиентами? Наверно, это связано с моим покойным отцом?

Гоббс ответил после некоторого колебания, которое не укрылось от Шаннон:

– Это связано вообще с вашей семьей. Теперь я должен буду сообщить моим клиентам о смерти миссис Бодин и не знаю, как они...

– Кто эти ваши таинственные клиенты? – не слишком вежливо перебила его Шаннон. – Почему вы уклоняетесь от прямого разговора? Сейчас в нашей семье осталась я одна, и, полагаю, вам придется иметь дело со мной.

– Прошу прощения, мисс. Я должен сделать один телефонный звонок. Нет, благодарю, я позвоню из машины. Вы подождете?

– А что мне остается делать?

Она в сердцах захлопнула за ним дверь и подумала, что выпила бы сейчас крепкого кофе, но, к сожалению, вряд ли успеет до возвращения этого странного человека. Тем не менее она поставила воду на огонь.

Он действительно вернулся довольно скоро, Шаннон открыла ему с кружкой в руке, не успев сделать второй глоток.

– Мисс Бодин, – объявил он, – мне доверено действовать по своему усмотрению. Позвольте представиться.

Она взяла протянутую визитную карточку и прочитала: «Сыскное Бюро Даблдей, Нью-Йорк».

– И что же вы ищете так далеко от дома, мистер Гоббс? Заходите, я налью вам кофе.

У нее не было страха перед этим незнакомым человеком, но она боялась того, что может услышать от него, совершенно не представляя, о чем он хочет с ней говорить.

Шагая вслед за Шаннон по дому, он по свойственной ему привычке, связанной с родом деятельности, внимательно смотрел по сторонам, отмечая каждую мелочь, и пришел к скорому выводу, что эта семья принадлежит к весьма зажиточному слою населения, но живут они скромно, без излишних претензий на роскошь.

– У вас сейчас тяжелое время, мисс Бодин, – участливо сказал он ей в спину. – Надеюсь, я не прибавлю вам забот.

Они прошли на кухню, Шаннон предложила ему сесть, налила кофе.

– Моя мать умерла два дня назад. Сегодня ее хоронили. Думаю, мистер Гоббс, ничего более трагического вы мне не сообщите. Сахар? Сливки?

– Просто черный, спасибо... Ваша мать долго болела?

– У нее был рак, – услышал он короткий ответ и понял, что от него не требуется новых соболезнований, а потому решил перейти к делу.

– Я представляю интересы Рогана Суини, – важно сказал он, – его жену и ее семью.

– Роган Суини? – переспросила Шаннон, на минуту задумавшись. – Мне знакомо это имя. Его Всемирная галерея имеет филиал в Нью-Йорке. А сам он... – Ее рука с кружкой слегка дрогнула. «Ирландия, – мелькнуло у нее в голове. – Значит, его «клиенты», как он их называет, из Ирландии».

– Вы правы, – кивнул Гоббс. – Это делает мою задачу легкой. Возможно, вам знакомы обстоятельства, которые...

Она опять перебила его:

– Какое отношение может иметь ко мне Роган Суини?

– Мистер Суини женат на Маргарет Мэри Конкеннан, старшей дочери покойного Томаса Конкеннана из графства Клер в Ирландии.

– Конкеннан?.. – Шаннон на мгновение прикрыла глаза. Это имя стало ее преследовать. – Да, понимаю. Так, значит, они вас наняли для того, чтобы разыскать меня? Мне не совсем понятен их интерес. Ведь прошло столько лет.

– Мне было поручено найти вашу мать, мисс Бодин. Моим клиентам только год назад стало известно о вашем существовании, так сказать. Тогда они и решили начать поиски Аманды Догерти. Но это оказалось совсем нелегко. Как вы, наверное, знаете, ваша мать в свое время уехала из Нью-Йорка, не сообщив никому из родственников своего нового адреса.

– Думаю, она и сама его не знала, – резко сказала Шаннон. – Ведь ее выгнали из дома, когда она забеременела. – Зазвенела кружка, ударившись о сахарницу. – Так что хотят ваши наниматели?

– Сначала они были намерены связаться с вашей матерью и сообщить, что дочери мистера Конкеннана обнаружили ее письма к их отцу и выражали желание встретиться и познакомиться с ней.

– А он сам?

– Он давно умер, мисс.

Она потерла рукой лоб.

– Да, вы уже упоминали об этом. Значит, его давно нет в живых?.. Ну что ж, вы отыскали меня, мистер Гоббс, и теперь ваше дело сделано. Можете поставить в известность своих клиентов, что имели со мной разговор и что я не выразила интереса в дальнейших контактах.

– Но ваши сестры...

Она холодно взглянула на него.

– Я не считаю их своими сестрами.

Гоббс упрямо наклонил голову.

– Миссис Суини и миссис Тейн хотели лично познакомиться с вами.

– Я не могу запретить им это, не правда ли? Но передайте, что у меня нет никакого желания встречаться с людьми, которых я никогда не знала. То, что произошло двадцать с лишним лет назад между их отцом и моей матерью, не меняет дела. Поэтому... – Она запнулась. – Вы, кажется, произнесли имя Маргарет Мэри Конкеннан? Она художник, не знаете?

– Да. По-моему, известный художник по стеклу.

Шаннон чуть не рассмеялась, что было бы некстати. Она вспомнила, как была в нью-йоркском музее на выставке этой Конкеннан и даже чуть не купила одно из ее произведений. Забавно...

– Так вот, передайте, пожалуйста, Маргарет Мэри Конкеннан и ее сестре...

– Брианна. Брианна Конкеннан Тейн. Она хозяйка небольшого отеля в Клере. Возможно, вы слышали о ее муже? Довольно популярный автор детективных романов.

– Грейсон Тейн? Да, что-то вспоминаю. – Ей опять захотелось рассмеяться. – Сестры сделали хорошие партии. Рада за них. Скажите им, пускай живут своей жизнью, а я буду жить своей. – Она поднялась. – Если вы сказали мне все, мистер Гоббс...

– Мне остается только спросить, не хотите ли вы получить обратно письма вашей матери, и если да...

– Мне они не нужны. Я не хочу ничего. – Она прикусила губу, неприятно пораженная злобой, с какой произнесла эти слова, и была рада, когда почувствовала, что озлобленность прошла. – В том, что случилось, – сказала она со вздохом, – нет ни моей, ни их вины. Не

знаю, что они там думают обо всем этом, мистер Гоббс, да меня и не интересует. Возможно, ими движет любопытство или, не дай бог, чувство вины, семейный долг. Что бы там ни было, пускай они забудут о моем существовании.

Гоббс тоже поднялся.

— Исходя из того, сколько они потратили времени, усилий и денег на ваши розыски, — произнес он несколько торжественным тоном, неприятно удивившим Шаннон, — ими двигали все три перечисленных вами обстоятельства. А возможно, еще какие-то. Но я передам то, что вы сказали. — Он протянул ей руку, что тоже повергло ее в некоторое удивление. — Если измените свое решение или у вас появятся какие-либо вопросы, можете позвонить мне по телефону, указанному в визитной карточке. Сегодня я улетаю в Нью-Йорк.

Его официальный холодный тон задел ее. Она сама не понимала почему.

— Я имею, кажется, право на собственное мнение, — проговорила она, как бы оправдываясь.

— Разумеется. — Он учтиво поклонился. — Не провожайте меня, я найду выход, мисс Бодин. Спасибо за кофе.

«Ну и черт с ним! — только и могла подумать Шаннон, когда он выходил из кухни. — Черт с ним и с его мнением обо мне и о моем поведении!»

И все они тоже пускай катятся ко всем чертям! Эти распрекрасные дочери Томаса Конкнана! Боже мой, ведь он также и *ее* отец! Им, видите ли, понадобилось удовлетворить свое любопытство, и они не жалеют денег, которых у них, видимо, куры не клюют!

Что касается ее, она в новых родственниках не нуждается! Пускай живут себе спокойно в своей Ирландии со своими отменными мужьями. У нее здесь своя жизнь, которая сейчас вдребезги разлетелась, и ее нужно составлять опять из кусочков. И делать это нужно побыстрее.

Она стерла слезы, которые — она и не замечала — снова лились из глаз, и пошла за телефонной книгой. Найдя нужный номер, ведя пальцем по строчке, сразу позвонила.

— Да, — сказала она, когда ей ответили, — хочу продать дом, и немедленно.

Неделей позже Шаннон была уже в Нью-Йорке. С продажей дома все было улажено: цену она назначила, сроки получения денег ее мало беспокоили. Она поняла, что сделалась вполне обеспеченной, даже богатой женщиной, унаследовав только по вкладам, оставшимся после смерти отца, почти полмиллиона долларов. Вместе с остальной частью наследства это давало возможность жить, не слишком задумываясь о деньгах.

И все благодаря тому, что она сделалась сиротой!

На работе в ее престижном рекламном бюро ей был предложен отпуск еще на неделю или даже больше, но она отвергла предложение и появилась в офисе на следующий день после возвращения из Колумбуса. Так, надеялась она, будет легче: работа отвлечет от печальных мыслей, тем более она начала — еще до срочного вызова к матери — нечто такое, что, показалось ей, может стать новым словом в рекламном бизнесе, в дизайне. По крайней мере на какое-то время.

Вообще, с тех пор, как она стала работать здесь, дела ее медленно, но верно шли в гору. Сам главный шеф хорошо уже знал ее имя, ценил работы и неоднократно намекал на повышение в должности.

Если б он только знал, насколько все это стало ей теперь безразлично!

Рабочий стол, карандаши, кисти, разные приспособления. Благоприятная оценка ее последних работ, новых планов. Надежды на повышение. Все это словно бы относилось уже к кому-то другому, кого она когда-то хорошо знала, только не к ней.

Она пристально смотрела на картину, которую довольно давно написала: спящий отец в саду. Сейчас ей не хотелось, чтобы эта вещь висела над ее столом.

– Шаннон? – Женщина, заглянувшая в дверь, была привлекательна, безукоризненно одета. Лили – звали эту помощницу и не слишком близкую подругу Шаннон. – По-моему, тебе нужно прерваться, – предложила она.

– Я и так почти ничего не делаю все эти дни, – призналась Шаннон. – Так что и прерываться ни к чему.

Лили подошла поближе, слегка обняла ее.

– Не напрягайся чересчур, – заботливо сказала она. – Ты имеешь все основания немного передохнуть.

– Хотелось бы все-таки что-то делать, – раздраженно заметила Шаннон. – Может, я просто разучилась.

– У тебя сейчас нелегкое время.

– Знаю.

– Может, отложить сегодняшние встречи?

– Нет уж! – Она решительно поднялась из-за стола, устремила взгляд в окно. За ним был Нью-Йорк, город, который она когда-то мечтала завоевать. – А вот завтрак с Тодом надо отменить вообще.

Лили поджала губы и сделала какую-то пометку у себя в блокноте.

– Не все в порядке в раю? – поинтересовалась она.

– Точнее, я бы сказала, это знакомство некоторым образом изжило себя. – Ответ прозвучал сухо и деловито. – Кроме того, накопилась уйма более важных дел.

– Как скажешь.

– Да, вот так. Я не поблагодарила тебя за работу, которую ты проделала за время моего вынужденного отсутствия. Ты была молодчагой, Лили.

– Я получаю за это деньги, Шаннон.

– Так что у нас на сегодня?

Ее помощница перевернула страницу блокнота.

– Работа с Минко требует согласования. Не все идет гладко с мистером Райтуэем. Шеф считает, ты в состоянии уладить, нужно только придумать какие-то новые ходы. Так он изложил в своей записке.

– Хорошо. Примем этот вызов и начнем с Райтуэя. А Минко пускай немного подождет.

– Договорились. Кстати, Райтуэй хочет, чтоб его реклама оставалась традиционной и при этом была смелой, но не дерзкой, сексуальной, но не слишком вызывающей.

– О, конечно. Мы же волшебники, и я сейчас вытащу магическую палочку из своего портфеля.

– Вот теперь, я вижу, ты стала почти прежней.

Когда Лили ушла, Шаннон с глубоким вздохом откинулась на спинку кресла.

Неплохо все-таки снова оказаться здесь. В этой комнате. За этим столом.

Дождь усердно поливал улицы. Шаннон ехала домой в такси после долгого, почти десятичасового рабочего дня, завершившегося разрывом с Тодом.

Все же она правильно сделала, что сразу вышла на работу. Деловая суeta помогает легче переносить утраты. Во всяком случае, на первых порах. Банально, но верно. Как любая истина.

Что у нее теперь осталось, кроме работы? Ни родных, ни близких. Если не считать – она хмуро улыбнулась – новых родственников в далекой Ирландии. А что касается Тода, она совершенно права: это следовало сделать давно. Их ничто не связывало, кроме физического влечения. Но, видно, этого ей недостаточно. Жизнь, в этом она лишний раз только что убедилась, слишком коротка, чтобы тратить ее на никому не нужные связи.

Она расплатилась с водителем и устремилась к подъезду. Перед тем как войти в лифт, вынула почту из ящика. Поднимаясь к себе на этаж, начала перебирать конверты.

Один из них привлек ее внимание. Ей стало зябко не по причине сырой погоды. Письмо было из Ирландии.

Она не стала распечатывать его, а положила в самый низ, под остальные конверты, газеты и рекламные объявления. Потом переоделась, налила себе бокал вина и, подсев к столику у окна, выходящего на Мэдисон-авеню, начала просматривать почту.

Письмо из Ирландии оказалось первым у нее в руках. Оно было от Брианны Конкеннан Тейн.

«Дорогая Шаннон!

Глубоко сожалею по поводу смерти Вашей матери. Понимаю, никакие слова не могут облегчить Вашего горя. Из писем Вашей матери к моему отцу я поняла, какая это была любящая и необыкновенная женщина, и мне остается только досадовать, что я никогда не имела возможности встретиться с ней, чтобы сказать обо всем самой.

К Вам приходил человек от Рогана, мистер Гоббс. От него я узнала: Вам известно о взаимоотношениях Вашей матери и моего отца. Понимаю, это могло причинить Вам боль, и сожалею об этом. Также могу предположить, что Вы не одобрите мое желание написать Вам. Но я все же решила сделать это. По крайней мере один раз.

Ваш отец, муж Вашей матери, конечно же, любил Вас. И я не имею намерения вмешиваться в Ваши чувства и воспоминания, которые Вам, без сомнения, дороги. Хочу только предложить, если это для Вас возможно, познакомиться с родственниками, которых, хотели Вы того или нет, преподнесла Вам судьба. У моего отца был не слишком легкий характер, но он был хорошим человеком, поверьте мне, и он никогда не забывал о Вашей матери. Ее письма к нему я случайно обнаружила через несколько лет после его смерти, они были любовно перевязаны ленточкой.

Я очень бы хотела поделиться с Вами тем, что знаю об отце, а если Вам этого не нужно, то просто познакомиться и показать Вам Ирландию, страну, где Вас зачала Ваша мать. Извините, что так пишу, но во мне живет искреннее желание видеть Вас в гостях у себя и у моих родных. Может быть, наши приветливые края помогут Вам быстрее справиться с горем.

Вы мне ничем не обязаны, Шаннон, и, конечно, понимаете, что таково и мое положение по отношению к Вам. Но если Вы любили мать так же сильно, как я своего отца, то, возможно, согласитесь со мной, что у нас с Вами есть обязанности по отношению к ним. И, может быть, если мы станем хотя бы друзьями, пускай не сестрами, то этим возвратим частично им обоим то, что они отдали нам.

Мое приглашение действительно всегда. Когда бы Вы ни приехали к нам, мы будем рады.

Искренне Ваша Брианна».

Шаннон прочитала письмо дважды. После первого раза отложила, даже отбросила в сторону. Но потом снова взяла в руки.

«Да, – подумала она о Брианне, – эта женщина не так проста. Впрочем, наверняка к тексту приложил руку ее муженек-литератор. Но, как бы там ни было, слова дышали искренностью и доброжелательностью. Тут уж ничего не скажешь. Написано с открытым сердцем».

Однако зачем ей сердце Брианны, а также ее дом в благословенной Ирландии?

И все же. Неужели ей так уж не хочется побывать там? Заглянуть в прошлое? Она же, как теперь выяснилось, настоящая ирландка по происхождению. По отцу. В конце концов, можно просто съездить в эту страну и не вступать ни в какие контакты с сестрами Конкеннан.

А с другой стороны, почему нет? Разве она боится? Какие глупости. Однако, пожалуй, и правда боится. Но чего? Сама не может пока разобраться.

Женщина, которая написала письмо, не производит впечатления человека, умеющего лезть в чужую душу. Совсем наоборот. Хотя кто их знает?

«В общем, надо подумать. Возможно, я соглашусь на ее предложение. А возможно, и нет».

4

– Не понимаю, что ты так суетишься, – ворчала Мегги. – Можно подумать, готовишься к королевскому приему.

– Просто хочу, чтобы ей было как можно удобней. – Брианна поставила вазу с тюльпанами на посудный шкафчик, потом передумала и водрузила ее на маленький столик у окна. – Человек совершает бог знает какое путешествие только для того, чтобы повидать нас. Пускай она почувствует себя как дома.

– Думаешь, этому поможет то, что ты уже дважды перевернула здесь все вверх дном, наводя порядок и чистоту? А также натащила цветов, как на пять свадеб, и наварила и напекла на целый полк солдат! – Произнося эту тираду, Мегги подошла к окну и, отодвинув занавеску, посмотрела вдаль, на стелющиеся поля и холмы. – Гляди, как бы все это не обернулось для тебя большим разочарованием, Бри.

– Тебе обязательно нужно испортить мне настроение от ожидания встречи. Такой встречи!

– Если не ошибаюсь, ее письмо о том, что она принимает твоё приглашение, не было переполнено чувством благодарности. Да или нет?

Брианна перестала взбивать и укладывать подушки и бросила взгляд на прямую непреклонную спину сестры.

– Ты забываешь, Мегги, что ей сейчас не до красивых слов. Она осталась совершенно одна. Всего месяц назад умерла ее мать.

– Ну, насколько она одна, мы с тобой не знаем, сестрица.

– Во всяком случае, у нее нет ни сестер, ни братьев. И она не замужем. Это мы знаем. Я рада, что она приезжает.

– Человеку, которого нанял Роган, она заявила, что не хочет иметь с нами никаких дел!

– Ох, Мегги! А ты никогда в жизни не говорила ничего такого под настроение, о чем потом жалела?

Мегги выдавила в ответ улыбку, которая, видимо, означала, что такое с ней порою тоже случается, и спросила в более миролюбивом тоне:

– У нас есть время до того, как мы отправимся в аэропорт?

– Немножко. Я покормлю Кейлу и переоденусь. – Заметив ироническую усмешку Мегги, она с вызовом добавила: – Да, не хочу встречать нашу сестру в переднике и мятых брюках.

– Что ж, дело твое. Лично я не собираюсь надевать парадные одежды и останусь в чем есть.

Это означало, что на ней будет все та же рубашка большого размера, заправленная в старые джинсы.

– Как угодно, – миролюбиво согласилась Брианна. – Но хотя бы пригладь это развороченное птичье гнездо у себя на голове.

Прикусив губу, Мегги бросила быстрый взгляд в зеркало, висевшее над шкафчиком с посудой, и не могла не признать, что образное сравнение сестры весьма точно и справедливо.

– Я все утро работала, – пробурчала она, выходя вслед за Брианной из комнаты. – А моим инструментам безразлично, в каком состоянии у меня прическа. Мне же не надо быть все время на людях, как тебе, моя дорогая.

– Да, и они должны благодарить за это бога, – съязвила Брианна. Сестры уже спускались с лестницы. – Зайди на кухню, возьми бутерброд или что-нибудь еще, если хочешь. Ты выглядишь голодной.

– Я выгляжу беременной, – поправила ее Мегги.

Брианна застыла на месте.

– Правда? Ой, Мегги, что же ты молчала?

– И в этом виновата ты, Бри.

С радостным смехом Брианна обняла сестру.

– Что ж, это что-то новое в медицине! – воскликнула она. – Думаю, врачи во всем мире обязательно заинтересуются твоим случаем. Так в чем же моя вина?

– А у кого не так давно появилась на свет прекрасная девочка? Как только я взяла ее на руки, сразу поняла: и я хочу такую же!

– Второй ребенок не очень затруднит твою работу? – спросила Брианна вполне серьезно. – А как отнесся к этому Роган?

– Я еще не говорила ему, потому что не окончательно уверена. Но чувствую... – Она положила руку себе на живот. – Хочу, чтобы так было. А еще хочу есть! – Она направилась к холодильнику. – Смотри не говори пока никому об этом. Даже своему Грейсону.

– Не скажу.

Через кухню Брианна прошла в жилые комнаты на первом этаже. Это помещение она расширила и надстроила около года назад, после замужества, в то время как второй этаж основного дома и мансарда по-прежнему предназначались для гостей ее отеля «Блекторн»¹. В пристройке первого этажа появилась вторая спальня и большая детская с двойными окнами, откуда открывался чудесный вид на холмы, а перед одним из окон росло маленькое миндальное деревце, посаженное ее добрым соседом, Мерфи Малдуном, в честь рождения Кейлы.

В комнате, недалеко от кровати ребенка, Мегги устроила подвесную галерею, где поместила разноцветные стеклянные фигурки сказочных существ – русалок, единорогов, крылатых коней, сделанных ею самой. Они сверкали и переливались в лучах солнца, щедро заливавших комнату большую часть дня, а по вечерам не были обделены электрическим светом. И рядом со всем этим великолепием пребывало долгожданное дитя Брианны. Ее первый ребенок.

Когда она вошла в детскую, девочка пошевелилась в своей колыбели.

– Проснулась, моя любовь? Тебе нравится глядеть на все эти прелестные игрушки, которые сделала для тебя тетя Мегги? Нравится? Ты так хорошо смотришься на их фоне! А скоро увидишь еще одну свою тетю. Тетю Шаннон из далекой Америки. Разве это не здорово?

Продолжая разговаривать с ребенком, Брианна вынула девочку из кровати, опустилась вместе с ней в кресло-качалку, расстегнула блузку. Подняв глаза вверх, она подумала о Грейсоне, который сидит сейчас там, наверху, в своем кабинете, выдумывая все новые страшные вещи – грабежи, убийства и прочие ужасы, которых полно в этом мире, где все-таки есть дети, а значит, любовь и доброта.

– Сейчас, сейчас... – приговаривала Брианна, прижимая к груди девочку. – Мы станем сыты, и тогда к нам придет наш папа и будет с нами сидеть, а мама уедет. Совсем ненадолго. А мы будем спокойно ждать, пока она вернется. Мы ведь уже совсем большие, верно? Сегодня нам уже целый месяц. И мы так быстро растем...

Грейсон стоял в дверях детской, с какой-то молчаливой застенчивостью наблюдая за ними. Его жена и его дитя! Мог бы он – как писатель – передать те чувства, которые испытывал в эти минуты? Крошечный кулачок дочери касался материнской груди. Белое на белом. Нежное на нежном. Солнце освещало их лица, их волосы одинакового оттенка. Дитя и мать смотрели друг на друга, незримо связанные, по-прежнему соединенные в одно удивительное целое.

¹ «Blackthorn» (англ.) – «Терновник». – Прим ред.

Повернув голову и увидев Грея, Брианна улыбнулась ему.

– Ты здесь? Я думала, ты работаешь.

– Услышал вас по интеркому. – Он показал на небольшой монитор. По его настоянию во всех жилых комнатах пристройки установили селекторную связь, чтобы каждую минуту можно было слышать, что делается в детской. – Услышал и пришел взглянуть на моих прекрасных женщин.

– Тогда поцелуй меня, Грейсон.

Он охотно выполнил ее пожелание.

– С каким аппетитом она ест, – с умилением сказал он.

– У нее отцовский аппетит. Кстати, если проголодаешься, возьми холодное мясо, я оставила тебе.

– Не беспокойся. Я не умру с голода. Даже покормлю твоих постояльцев, если попросят.

– Из тебя получится хороший хозяин гостиницы, дорогой. Но я не хочу, чтобы ты прерывал работу.

– Ничего. Я уже немного устал от убийств и крови и с удовольствием отдохну и сменю репертуар... – Он коснулся пальцем груди Брианны и с удовлетворением отметил, какой радостью вспыхнули ее глаза. – Когда мы начнем снова любить друг друга, – мечтательно сказал он, – это будет как в первый раз.

Она подавила судорожный вздох.

– Не думаю, что очень честно с твоей стороны пытаться соблазнить меня, когда я кормлю ребенка.

– Соблазнять тебя я готов в любое время и в любом месте, – произнес он торжественно.

– Пожалуйста, сдержи свои эмоции, Грейсон Тейн, – услышали они насмешливый голос Мегги от двери. – Меньше чем через четверть часа мы должны ехать в аэропорт.

– Твоя сестрица умеет отравить любую радость, – притворно пожаловался он, выпрямляясь и глядя с улыбкой на Мегги. – А скоро число твоих сестер удвоится. Не знаю, что буду делать тогда.

Из иллюминатора самолета Шаннон с интересом смотрела на ирландскую землю. Уже были видны поля, темные береговые скалы. Все это казалось прекрасным, страшноватым и странно знакомым.

На мгновение она пожалела, что все-таки решилась лететь сюда.

Но не поворачивать же обратно? Как глупо, что такая мысль вообще пришла ей в голову. Конечно, решение ехать было внезапным, импульсивным. В основном благодаря воздействию, которое оказало письмо Брианны, сдержанное, но любезное и дружеское. А может, как раз наоборот: толчком послужило чувство вины перед матерью, а также ощущение одиночества, какой-то разреженной атмосферы, в которой она оказалась.

Все это вместе и по отдельности заставило ее взять отпуск на работе, запереть свой кабинет вместе со всеми срочными и не очень срочными делами и купить билет для перелета протяженностью в три тысячи миль – перелета, который через считанные минуты подойдет к концу.

Однако что толку сейчас снова ворошить в голове эти мысли? Задавать вопросы, на которые не знаешь прямого и честного ответа. Все, что она может сейчас сказать, – ей *нужно* было приехать сюда. Иначе бы она не поехала. Но хорошо ли это, честно ли по отношению к тому, кого она всю свою жизнь считала отцом? Ох, опять о том же...

Тряхнув головой, Шаннон отогнала эти невеселые мысли и, раскрыв сумку, достала косметичку. Не мешает привести себя в порядок после длительного перелета.

Тупой толчок – колеса самолета коснулись посадочной полосы аэропорта Шаннон. Она и эта громадина аэропорт – тезки.

За годы жизни с родителями Шаннон привыкла к бесконечным переездам, к вокзалам, аэропортам, к людской сутолоке и таможенной рутине, они не вызывали у нее почти никаких эмоций. Но сейчас волнение поселилось в ее душе, потому что она знала: там, через несколько залов и переходов, ее ожидают две женщины, две сестры Конкеннан, чью фамилию должна бы по праву носить и она сама.

Она полагала, что ни за что не сумеет отличить их в толпе встречающих, среди всех смеющихся, улыбающихся, плачущих – ведь сколько, наверное, будет там молодых особ женского пола с рыжеватыми волосами, молочного цвета кожей и глазами зеленого оттенка... Но, как ни удивительно, что-то подсказало ей – уж не зов ли крови? – что это они, когда увидела двух женщин, чем-то неуловимо похожих друг на друга. У той, что повыше, взгляд был мягче и волосы с золотистым отливом, у другой на голове – огненная копна. Первая – аккуратная, подтянутая, в простом голубом платье, на второй – старая рубашка и потертые джинсы, но этот наряд выглядел на ней странно изысканным.

Обе ответили на ее взгляд – та, что повыше, улыбкой, ее спутница – спокойным выражением глаз.

– Шаннон! Шаннон Бодин! – Одна из сестер бросилась к гостье, порывисто поцеловала в щеку. – Добро пожаловать в Ирландию. Меня зовут Брианна.

– Здравствуйте.

Шаннон была рада, что обе руки у нее заняты тележкой, на которой лежал багаж. Но Брианна сразу же захватила тележку, деликатно потеснив Шаннон.

– Это моя сестра Мегги. Как мы рады, что вы приехали!

Мегги склонила голову в приветствии, одновременно говоря себе, что окончательное суждение о гостье вынесет позднее. Пока же сказала:

– Надо поскорее выбраться на волю из этой толпы. Утомительный был перелет?

– Я привыкла, – услышала она в ответ.

– Но все равно, столько лететь над океаном! – возбужденно говорила Брианна, толкая тележку. – Мегги кое-что повидала в этом мире, а я почти нигде не была. Мне кажется, поднимаясь в самолет, становишься другим человеком. Как вам понравилось путешествие?

– Мы летели спокойно, – проронила Шаннон.

Брианна чувствовала некоторое опасение, что гостью так и не удастся разговорить и та будет ограничиваться сухими короткими фразами. О нет, только не это! Тогда незачем было и встречаться.

Пока же Брианна болтала о погоде, о том, что путь до их дома недолог, еще о какой-то чепухе, а обе женщины, идущие по бокам от нее, изредка обменивались испытующими, недоверчивыми взглядами.

Они подошли к автомобильной стоянке, уложили багаж в машину.

– У меня уже готова еда, – сообщила Брианна, садясь за руль. – Но, может быть, захотите сначала отдохнуть?

– Не хочу причинять вам ни малейшего беспокойства, – ответила Шаннон, и Мегги слегка содрогнулась от этих холодных вежливых слов.

– Беспокоиться о ком-то, – сказала она с вызовом, – любимое занятие моей сестры. Садитесь вперед. Вы же как-никак гостья.

«Отменная стерва! – подумала о ней Шаннон, вздергивая подбородок, как зачастую это делала сама Мегги. – Палец в рот не клади!»

Брианна сжала губы. Начинается! Почему у них в семье ничего не делается спокойно и просто? Как это больно...

– Вы ведь впервые в Ирландии? – спросила она, пытаясь сгладить ситуацию.

– Да. – Ответ прозвучал так резко, что даже Шаннон удивилась. Она мысленно обругала себя, сказав, что недалеко ушла в любезности от этой рыжей нахалки, и поторопилась загладить вину, добавив:

– То, что я успела увидеть, когда подлетала к аэропорту, было ужасно красиво.

Брианна одарила ее благодарной улыбкой, осторожно выводя машину со стоянки.

– Моему мужу очень нравится здесь. Он ведь американец, как и вы, но говорит, что не видел мест красивей. Впрочем, теперь ведь тут его дом.

– Вы замужем за Грейсоном Тейном?

– Да. Уже почти целый год. Он приехал к нам в Клер писать книгу. Она скоро должна выйти. Сейчас он пишет другую и опять убивает людей направо и налево.

– Мне нравятся его книги, – вежливо сказала Шаннон. «Простое и безопасное занятие – писать такие книги», – мысленно добавила она. – Мой отец любил читать детективы.

Она произнесла слово «отец» и сразу ощутила неловкость: о каком отце она говорит при этих женщинах?

– Как тяжело было для вас, – осторожно, после паузы сказала Брианна, – потерять обоих родителей. Одного за другим. Надеюсь, вы здесь отдохнете и немного развеете горе.

– Спасибо.

Шаннон стала смотреть на мелькающий за окном ландшафт. Да, ничего не скажешь: чудесные места. И прекрасное освещение – какое-то особое. Словно солнечные лучи светят здесь совсем по-другому, не как в Америке.

– Человек, который разыскал вас, говорил, что вы художник по рекламе.

Мегги сказала это не ради продолжения разговора, а из чистого любопытства.

– Да, это правда, – ровным голосом ответила Шаннон. – Я дизайнер.

– Ваша работа заключается в том, чтобы помочь в продаже той или иной вещи, так?

Шаннон слегка нахмурилась. Во вполне невинном вопросе она уловила – или ей показалось? – чуть слышные нотки презрения.

– В какой-то мере вы правы. – Она повернулась назад к Мегги. – А вы разве не продаете свои вещи?

– Нет. – Мегги постаралась улыбнуться. – Я просто создаю их. Продажей занимаются другие.

– Как интересно, – вмешалась Брианна, – что вы обе художницы. Верно?

– Не так интересно, как странно, – пробурчала Мегги и дернула плечом, встретив осуждающий взгляд сестры в зеркале заднего вида.

Шаннон снова отвернулась к окошку. Нет, ее достаточно хорошо воспитали, и она не станет вступать в перепалку с этой рыжей фурией!

– Ваш дом далеко от города, Брианна? – спокойно спросила она. – Я хотела бы взять машину напрокат.

– Мы ближе к деревне, – ответила та. – И машины вы там не найдете. Но я с удовольствием дам вам свою, когда понадобится.

– Я бы не хотела вас затруднять.

– О, она простаивает по большей части. У Грейсона есть другая. Вам обязательно нужно поехать вокруг, посмотреть наши края. И кто-то из нас с удовольствием, если захотите, будет сопровождать вас. Если только вы не из тех, кто любит бродить или ездить в одиночестве. А вот и наша деревенька.

«Да уж, – удрученно подумала Шаннон, скользя взглядом по небольшому селению, в которое они въехали. – Узкие кривые улочки, лепящиеся по склонам домишки и лавки. Красиво, в общем, и необычно. Но уж так непритязательно. И тоскливо. Ни тебе больших магазинов, ни театров, ни галерей. И почти безлюдно».

Какой-то мужчина с прилипшим к губе окурком обернулся на звук автомобиля, поднял руку в знак приветствия и продолжил свой путь вдоль дороги.

Брианна тоже махнула ему рукой и, высунувшись в окошко, прокричала:

– Добрый день, Мэттью Рини!

– Бога ради, не останавливайся, Брианна! – взмолилась Мегги, тоже поприветствовав его взмахом руки. – Он готов болтать до вечера!

– Я и не собираюсь, Мегги. Шаннон нужен отдых, а не деревенские сплетни. Хотя мне интересно было бы узнать, собирается ли его сестра Колин за этого английского торговца.

– Могу удовлетворить твое любопытство, Бри. – Мегги наклонилась к ней, положила руки на спинку переднего сиденья. – Прекрасный торговец обеспечил ее товаром, за который она будет расплачиваться ровно девять месяцев. И потом тоже.

– Колин беременна? Не может быть!

– Еще как! И теперь ее отец вцепился обеими руками в горло этому бритту и не отпускает. Эти сведения сообщил мне сам Мерфи, когда я встретила его в пабе два дня назад.

Вопреки своему желанию Шаннон почувствовала, что заинтересовалась этой банальной историей.

– Его принуждают жениться? – вступила она в разговор.

– Ну, «принуждают» – слишком сильное слово, – со смешком ответила Мегги. – Лучше сказать – «советуют», «рекомендуют». Предоставляют выбор: супружеские узы или разбитая физиономия.

– Немного по старинке, вы не находите? – фыркнула Шаннон. – Разве в том, что произошло, женщина виновата меньше, чем мужчина?

– Все кончится хорошо, – успокоила ее Мегги. – Он будет любить ее, она – его, и оба дадут клятву быть верными до гроба и все такое.

– А потом нарожают штук шесть детей и разведутся, – заметила Шаннон не без горечи.

– Что ж, все люди ходят под богом. – Мегги снова откинулась на заднее сиденье. – А мы, ирландцы, в этом отличаемся особым умением.

«Шутит она или это правда так? – подумала Шаннон. – Кто их знает и поймет в этой стране, где нет настоящего контроля за деторождением, где процветают террористическая организация ИРА², алкоголизм и брачные отношения, которые нельзя прервать, не поссорившись насмерть с церковью».

Слава богу, она здесь всего-навсего гостя. Турист. Приехала – и уехала.

Сердце у нее екнуло: машина въехала в узкий туннель, стенами которого был густой кустарник, чьи ветви хлестали временами по дверцам автомобиля. Изредка в этих стенах появлялись просветы, и тогда можно было увидеть стоящий сбоку небольшой коттедж или сарай.

Шаннон старалась не думать, что может случиться, если навстречу выскочит из-за поворота другая машина.

Но вот очередной зигзаг, и перед нею открылся огромный мир!

Она наклонилась вперед и широко раскрытыми от восхищения глазами вбирала в себя изумительную картину.

Долина, представшая ее взору, была словно нарисована художником с фантастическим воображением, потому что в действительности такого быть не могло. Она никогда ничего подобного не видела.

Перед ней разворачивалась – волна за волной – мягко всхолмленная зеленая земля, пересеченная там и сям ровными стенками из камня, отмеченная кое-где темными пятнами пашни или, наоборот, пестрыми коврами диких цветов.

² Ирландская революционная армия – радикальная группа сторонников воссоединения Ирландии.

На самых ровных местах стояли дома и хозяйственные постройки, вблизи них весело развевалось по ветру разноцветное белье, тесными кучками паслись коровы и овцы.

И как бы посреди этого светлого мирного пейзажа темнели развалины замка – рухнувшие стены, разбросанные камни. Ворвавшееся сюда прошлое.

А над всем этим великолепием опрокинулся голубой купол неба – такой живой и напряженный, что создавалось ощущение, будто он пульсирует.

Впервые за много дней Шаннон забыла про свою печаль, исчезло постоянное беспокойство, чувство вины. С невольной улыбкой она во все глаза смотрела вокруг, и странное чувство, что все это уже однажды видела, охватило ее и прочно поселилось в сердце.

– Красиво, правда? – проговорила Брианна и поехала медленней.

– Ох, – тихо произнесла Шаннон. – По-моему, я в жизни не видела ничего прекрасней. Могу понять, отчего мама так полюбила эти места.

При упоминании о матери, вырвавшемся совершенно произвольно, к ней вернулось прежнее ощущение печали, и она отвела взгляд от манящих далей.

Но и новый вид, который она вскоре увидела совсем близко, был не менее приятен глазу. «Терновый» коттедж гостеприимно приветствовал ее сверкающими стеклами окон, сверкающими стенами с яркими вкраплениями слюды. Радостно встретил ее и пышный сад, готовый вот-вот расцвести еще ослепительней.

Приветственно залаяла большая собака, когда Брианна остановила машину рядом с одиноко стоящим нарядным «Мерседесом» с открывающимся верхом.

– Это наш милый Конкобар, – объяснила она Шаннон, – он большой, но совершенно безобидный. Не бойтесь собак?

– Обычно нет, – ответила Шаннон, с опаской поглядывая на подбежавшего к машине пса.

– Сядь, пожалуйста, – попросила его Брианна, выйдя из машины, – и покажи, что ты воспитанная собака.

Конкобар послушно исполнил просьбу: уселся на землю, и только его хвост совершал размашистые движения, показывая, как рад его владелец и хозяйке, и тому, что светит солнце и зеленеет трава.

Повинуясь Брианне, он даже подал лапу, которую Шаннон с некоторой опаской пожала, но затем, осмелев, погладила его крупную голову.

– Хороший. Ты ведь хороший, да? – вкрадчиво спросила она, и пес вполне с этим согласился.

А в это время Брианна и Мегги выгружали из машины ее багаж.

– О, не надо! Я сама!

Но Брианна уже несла к дому обе дорожные сумки. У самых дверей она обернулась и произнесла с улыбкой:

– Добро пожаловать в «Блекторн», Шаннон. Надеюсь, вам будет у нас удобно и легко.

Словно в подтверждение ее слов дверь с треском распахнулась, и на пороге появился черноволосый мальчуган, бойко спешащий на коротких, но быстрых ножках. В обоих кулачках он сжимал кусочки печенья и еще каких-то сладостей, часть которых уже успела усыпать его путь.

– Назад, дьяволенок! – послышался мужской голос. – Что я тебе говорю, Лайам? Хочешь, чтобы твоя матушка сняла с меня скальп за то, что я плохо смотрю за тобой?

Все эти слова говорил мужчина, у которого был весьма утомленный вид, а на руках – совсем крошечный ребенок.

Лицо мальчика просияло, когда он увидел Мегги.

– Мам!

– Да, это я. – Мегги ловко подхватила его одной рукой, другой вытерла ему измазанный сладостями рот. – Посмотри на себя, Лайам Суини. Ни одного чистого места на лице! И кто ж это, интересно, сообразил дать тебе бисквит до завтрака?

Мальчик хитровато посмотрел на нее и вместо ответа потребовал:

– Целуй!

– Совсем как его отец. Воображает, что поцелуи могут решить все проблемы. – Она бросила уничтожающий взгляд на Грейсона. – Ну, что можете сказать в свое оправдание, мистер Тейн?

– Виноват, но заслуживаю снисхождения, – отвечал тот. – Мерфи притащил и оставил на моем попечении эту бомбу замедленного действия, а потом начала плакать наша малышка, и я не знал, что делать. Бри, если зайдешь на кухню, не очень удивляйся тому, что там увидишь.

– Настолько ужасно?

– Уж поверь мне. А в гостиной... Мы там играли с Лайамом. Я куплю тебе новую вазу. Глаза у Брианны расширились.

– Неужели та, моя любимая?

Не дав прямого ответа, Грейсон обратил все внимание на гостью:

– Извините, что не сразу познакомился с вами. Меня зовут Грей.

– Очень приятно. Я – Шаннон.

Ей пришлось податься в сторону, потому что Конкобар выхватил у нее прямо из-под ног упавший на пол кусок бисквита, а потом отпрянуть еще раз, когда Лайам протянул к ней руки и потребовал:

– Целуй!

– Ох, конечно. С удовольствием.

Она осторожно коснулась его измазанной щеки.

– Шоколадные чипсы? – неуверенно предположила Шаннон.

– Я готовила их вчера. Вы и до этого добрались? – с возмущением спросила Брианна.

– Надо же мне было как-то занять его, пока я возился с нашей малышкой, – виновато объяснил Грей. – Никогда не думал, что с двумя детьми настолько трудно. Не вдвое, а в десять раз труднее! Почему?

– Это загадка на все времена, дорогой, – ответила Брианна. – А теперь приди в себя и помоги Шаннон с ее вещами, ладно?

– С удовольствием. Это намного легче. Да, насчет пятна на ковре в гостиной я объясню позже.

– Буду ждать с нетерпением. Извините, Шаннон, за беспорядок. Когда я уходила отсюда, здесь все было чисто и пристойно.

– И сейчас все хорошо.

Шумная безалаберная встреча казалась ей куда приятней, чем чинный неловкий прием, когда не знаешь, куда себя деть и что говорить.

– Это ваша малышка? – спросила она Брианну.

– Ее зовут Кейла. Сегодня ей ровно месяц.

– Она чудесная. – С несколько более стесненным чувством Шаннон повернулась к Мегги: – А мальчик – ваш?

– Как видите. Лайам, поздоровайся с мисс Бодин.

– Говори мне «Шаннон». Здравствуй еще раз, Лайам.

Он быстро забормотал что-то, чего она не могла понять без переводчика, но его улыбка не требовала пояснений.

– Его срочно нужно умыть, – решила Мегги. – Но пока давай мне Кейлу, Бри, а сама проводи Шаннон в ее комнату.

- Так и сделаем. Спасибо, Мегги.
- Шоколад, – очень отчетливо произнес Лайам.
- Ни за что на свете! – решительно сказала Мегги.

Приведя в порядок растрепавшуюся прическу, Брианна пригласила Шаннон следовать за ней.

– Я приготовила вам комнату на самом верху, – сказала она. – Там будет тише и спокойней. Но если не хотите подниматься по ступенькам, а их не так уж мало, можно все переиграть.

– Меня не пугает лестница, – Шаннон вновь ощутила некоторую скованность. «Как странно, – подумала она, – с этой любезной, приветливой Брианной мне почему-то труднее, чем с резкой, прямолинейной Мегги».

– Мы только недавно сделали там комнату, – говорила тем временем хозяйка. – Раньше был чердак. Но там очень удобно, вы увидите.

– У вас хороший дом.

– Спасибо. Мне его оставил отец, и после его смерти я кое-что достраивала. Потому что решила открыть небольшую гостиницу. «Би энд Би»³, вы знаете. А когда вышла за Грейсона, пристроили еще комнаты: его кабинет, детскую. Как я рада, что вы приехали, Шаннон! – добавила она без всякой паузы.

– Благодарю вас.

– Вот мы и пришли.

Комната, в которой они оказались, была гораздо лучше, чем Шаннон могла ожидать. Просторная, светлая, с широким окном, прорезанным в одном свесе крыши, и большой медной кроватью под другим свесом. Было еще несколько окон поменьше и много цветов в вазонах. Все вокруг блестело чистотой.

И опять радостное чувство охватило Шаннон. Чувство, похожее на то, которое она уже испытала, когда ехали сюда и перед ней открылась во всей своей красе обширная долина.

– Чудесно! Правда, чудесно, Брианна.

– Отсюда прекрасный вид. Я подумала, вам понравится... А вон там ферма Мерфи, видите? Из этого окошка.

– Кто такой Мерфи?

– О, это наш друг и сосед. Мерфи Малдун. Его земля начинается как раз за стеной нашего дома. Вы с ним обязательно познакомитесь. Он у нас часто бывает. – Брианна ходила по комнате, поправляя светлые занавески, абажуры на лампах, расправляя и без того тщательно заправленную постель. – Эта комната побольше остальных, я, кажется, уже говорила вам. И ванная рядом. Вход прямо отсюда, смотрите. Это Грейсон и Мерфи так спланировали. Специальные книжки читали.

– Прямо кукольный домик! И как все сверкает! Вы, кажется, говорили, что Мерфи – фермер?

– Так и есть. Но он мастер на все руки. Помочь вам разложить вещи или вы сначала отдохнете?

– Спасибо, я все сделаю сама.

– Будьте как дома. Там, на полке, еще полотенца. А если что понадобится, скажите, не стесняйтесь. Принести вам сюда чай на подносе?

«Ох, господи, – подумала Шаннон, – наверное, легче согласиться. И вообще, хорошо бы почти не выходить из комнаты, никого не видеть, ничего не знать. А потом спокойно вернуться к своему привычному существованию. Обеспеченному и одинокому. Особенно теперь – после ухода из жизни самых близких, после окончательного разрыва с Тодом».

³ «B and B» («Bread and Breakfast») (англ.) – «Постель и Завтрак».

– Нет, – сказала она. – Благодарю вас, Брианна. Я лучше спущусь к чаю.

– Прекрасно. – Брианна коснулась руки Шаннон. – Мы ждем вас. Я буду внизу, если что потребуются.

– Еще раз спасибо за все.

Когда за Брианной закрылась дверь, Шаннон устало опустилась на край кровати. Хорошее отношение тоже утомляет. Она сидела так довольно долго – плечи расслаблены, глаза прикрыты.

Вот она и в Ирландии. Но что из этого? Что делать дальше? Она не знала.

5

– Ну, и какая она из себя, эта ваша американская сестрица?

Чувствуя себя на кухне у Брианны как в своем собственном доме, Мерфи взял с подноса кусок пирожного с кремом, откусил немалый кусок.

Он был высок и с возрастом не полнел, так что пирожные Брианны были ему не во вред. Еще в дверях он стащил с головы шапку – так его с детства учила мать – и попытался пригладить свои темные волосы, но тщетно: они все равно торчали в разные стороны, вызывая к ножницам парикмахера.

– Убери руки! – запоздало скомандовала Брианна. – Подожди, пока я подам на стол.

– Боюсь, тогда мне может не хватить. – Он довольно ухмыльнулся, отправляя в рот новый кусок. – Она так же хороша, как ты, Бри? Признайся.

– Лесть не поможет тебе получить добавку, не воображай. Что касается Шаннон... – Брианна задумалась на мгновение. – Я бы не назвала ее хорошенькой. Или привлекательной. По-моему, таких, как она, считают просто красивыми. Хотя это не значит, что всем она должна нравиться. А если подробней... Да что ты такой любопытный?! Ну, волосы у нее не такие огненные, как у Мегги. Скорее похожи по цвету на гриву твоей любимой гневной кобылы. Зато глаза как у нашего отца. Помнишь их цвет? Зеленые-зеленые. Рост у нее вроде моего. И она вполне стройная. Гладкая, как бы ты, наверно, сказал.

Воспользовавшись тем, что Брианна хлопотала над пирожными, Мерфи налил себе чаю.

– А еще что про нее скажешь?

– Она сдержанная. Наша Мегги совсем не такая. А еще грустная. Но ведь это можно понять. – Было видно, Брианна не только на словах понимает свою сводную сестру. – Посмотрел бы ты, как она заулыбалась, когда мы выехали на то место, откуда видна вся долина!

– Да, там еще какая красотища! – Мерфи отхлебнул чаю из кружки, расправил плечи – они ныли после сегодняшней утренней пахоты. Однако он любил это ощущение живых мышц. – Такого в своем Нью-Йорке ей вовек не увидеть!

– Мы часто говорим об этом городе, словно он на другой планете. А ведь он просто за океаном, Мерфи.

– Для меня это дальше, чем луна!

Брианна с улыбкой обернулась к нему через плечо. Мерфи был хорош собой; пожалуй, даже лучше, чем раньше, когда был юношей. Женщины в их селении говорили тогда, что у него «ангельское личико». Сейчас в нем было, может быть, больше от «дьявола» – дьявольски красивые голубые глаза, дьявольски манящая улыбка. Работа на открытом воздухе только красила его, придавала и без того смуглому лицу скульптурную четкость и резкость, что не могло не привлекать к нему весьма заинтересованные взгляды женщин, которые его до сих пор не слишком трогали, насколько она могла судить. Он был крепкий и складный, с мускулистым торсом и такими же руками, такой же сильный и дюжий, как его любимцы – кони, если их очеловечить и придать им доброту и мягкость.

Да, несмотря на внешнюю грубоватость и неотшлифованность манер, в нем явно ощущались добросердечие, отзывчивость. Даже что-то поэтическое находила Брианна в его натуре, в мечтательном выражении глаз. Впрочем, возможно, тут играла роль ее глубокая привязанность к нему еще с детских лет.

– Чего ты так уставилась? – Он провел рукой по подбородку. – Я измазался кремом?

– Нет, я подумала: неужели не найдется женщина, которая удостоится чести видеть каждый день твою приятную физиономию?

– Вы с Мегги глядите на нее чуть не каждый день. С меня достаточно. – Он произнес это сравнительно бойко, но все же в голосе чувствовалось некоторое замешательство. – Почему, как только женщина заведет семью, тотчас начинает думать, что все остальные должны поступать так же? – добавил он не сразу.

– Потому что эта женщина счастлива, – ответила Брианна. – Я, конечно, говорю о себе. – Она нежно взглянула на Кейлу. – Вылитый отец, правда?

– По-моему, вся в мать. – Он склонился над девочкой, дотронулся до ее головки. – А как насчет вашей матери, Бри? Вы сказали ей?

– Пока нет. – Не хотелось даже думать об этом, но она понимала, что никуда не деться. – Конечно, скажем. Пускай Шаннон хоть немного отдохнет с дороги и попривыкнет к нам.

– Да, ураган надвигается. Ты уверена, что мать ни о чем не догадывалась раньше? Ни о другой женщине, ни о ребенке от нее?

– Голову даю на отсечение. Если бы узнала, можешь представить, что устроила бы. Особенно при их отношениях!

Содрогнувшись, она отвернулась в сторону.

– Да уж! Слышно было бы во всей округе. – Он слегка коснулся ее щеки, заставил повернуть к нему голову. – Не переживай сильно. Ты ведь не одна.

– Я знаю, Мерфи. Это немножко помогает, но все равно ужасно. Неужели наши взаимоотношения никогда не наладятся? Ведь она все-таки наша мать. А сейчас, с приездом Шаннон, может стать еще хуже. Но мы не могли поступить иначе. Как-никак она нам не чужая. Отец не простил бы нам.

– Хватит об этом, Бри. Перестань мучиться. Вы поступили правильно. Ну, ну, не надо, старуха, – добавил он, видя, что глаза у нее наполняются слезами. – Прекрати.

С кружкой чая в руке он наклонился к ней и по-братски поцеловал в лоб, произвольно взглянув в сторону двери.

То, что он увидел там, перевернуло в нем все кверху дном!

Из дверного проема на него смотрели внимательные зеленые глаза. Огромные, как блюдца. Так ему показалось. А лицо! Какое было лицо! Как алебастр. Или нет, как свежее молоко. И какие волосы обрамляли это лицо и касались гордо вздернутого подбородка!

Словом, чудесное видение – вот что это было! Образ, который сразу поразил воображение и глубоко проник в сердце.

– О, Шаннон! – воскликнула Брианна, немного покраснев. Что она о ней подумает, если видела, как Мерфи поцеловал ее? И неужели она слышала то, что говорилось о матери? – Чай почти уже готов. Мы попьем его здесь. А своим жильцам я накрою в гостиной. Их не так много. Мне не трудно.

– У вас прелестная кухня, – сказала Шаннон, оглядываясь вокруг.

Она уловила кое-что из разговора Брианны и Мерфи и собиралась потом обдумать услышанное. Но сейчас ее внимание было приковано к человеку, глазевшему на нее так, словно он никогда не видел живой женщины.

– Шаннон Бодин, – представила их друг другу Брианна. – А это наш приятель и сосед Мерфи Малдун, о котором я уже говорила.

– Как поживаете? – услышал он, но был не в состоянии произнести ничего вразумительного в ответ. Только кивнул и с отвращением к самому себе подумал, что она приняла его наверняка за деревенщину, у которого мозги еле ворочаются.

– Мерфи, – обратилась к нему Брианна, – ты не скажешь всем остальным, чтобы шли пить чай? Мерфи! – повторила она, не получив ответа.

– Что? А, да... Кому?

Брианна не могла сдержать смеха.

– Да что с тобой? Прямо стоя спишь, как твои распрекрасные кони. Пойди и позови Грейсона и Мегги. И Лайама, конечно. Ну, давай!

Она подтолкнула его, и он скрылся за дверью.

– Работал сегодня с рассвета в поле, – объяснила она его странное поведение. – Спит на ходу. Вообще-то он приткий малый.

Последнему утверждению Шаннон не поверила.

– Он фермер, кажется? – спросила она уже не в первый раз. – Сосед?

– Он как брат для нас с Мегги. А каких выращивает превосходных лошадей! У нас нет от него секретов, – добавила она.

– Вы рассказали ему и обо мне? Но ведь он *ваш* друг, не мой.

Брианна вздохнула.

– Вы пока не знаете как следует никого из нас и вправе думать что угодно. Я не могу заставить вас доверять нам и не стану этого делать. Но взамен предложу сесть и выпить чаю.

– Сколько в вас спокойствия и выдержки, – не могла не признать Шаннон.

– Зато у Мегги ни того, ни другого.

– Я не понравилась ей?

– Пока это так.

Шаннон почувствовала вдруг, что ей хочется беспричинно рассмеяться. На душе, как ни странно, было легко.

– Она мне тоже не слишком пришлась по вкусу. Что у нас к чаю?

– Сыр, сэндвичи, паштет, печенье, торт с кремом, яблочный...

– Ой, не надо больше! У вас так всегда?

– Я люблю готовить. Кроме того, хочу отметить день вашего приезда.

– Вы упорный человек, да?

– Упрямство характерно для всей нашей семьи, должна честно признаться. А вот и они! Начинайте пить, я пойду в гостиную к моим постояльцам. Угощайтесь!

Все уселись, наступило недолгое молчание.

– Вам сахару? – сухо спросила Мегги у Шаннон.

– Нет, благодарю, – так же сухо ответила та. – Я пью несладкий.

– В Нью-Йорке неплохие рестораны, – сказал Грейсон, – но, ей-богу, я не ел нигде вкуснее, чем у Брианны на кухне. Вы работаете у Тайлмента? – обратился он к Шаннон, накладывая ей на тарелку сладости.

– Я... да... О, не так много! Уже больше пяти лет.

– У его фирмы, насколько я знаю, неплохая репутация. Даже очень хорошая. М-м... – Грейсон откусил от яблочного пирога. – Блистательно! А где вы учились?

– В Карнеги Меллон.

– У... Ничего не может быть лучше! – И было непонятно, к чему относятся эти проявления высшего удовлетворения – к стряпне Брианны или к репутации учебного заведения. – Там, неподалеку от вашего колледжа, была такая маленькая булочная. Ее держала супружеская еврейская пара. Они тоже были совсем маленькие. Но какие там готовили булочки с ромом!

– Я знаю это место, – с улыбкой сказала Шаннон. Все-таки приятно поговорить с американцем! – Ходила туда каждое воскресенье в течение четырех лет.

Поскольку внимание Мегги было устремлено на Лайама, сидевшего рядом с ней на высоком стульчике, а Мерфи и без того не сводил глаз с госты, Шаннон не посчитала необходимым втягивать их в разговор и продолжала беседовать с Грейсоном.

Когда Кейла закапризничала, он вынул ее из колыбели и взял на руки, предоставив Шаннон самой угощать себя, что та и поторопилась сделать, с удовольствием вонзив зубы в

сэндвич с сыром. Сейчас она ощутила, что была ужасно голодна и что вместе с насыщением к ней приходит чувство покоя и уюта. Покончив с бутербродом, она взялась за печенье.

– Как на седьмом небе? – улыбнулся Грейсон, поймав выражение ее глаз.

– О, даже выше! Божественно!

– Вы правы. В кондитерских изделиях Брианны есть что-то сверхъестественное.

Одной рукой – в другой у него была Кейла – он умудрялся умело и быстро расправляться с угощением.

– Не будь свиньей, Грей, – обиженно сказала Мегги. – Оставь что-нибудь для Рогана.

– Почему ты не научишься сама делать все это?

– Зачем? – Мегги слизнула крем с пальца. – Если вы живете так близко.

– Вы по соседству с сестрой? – спросила Шаннон, не получившая большого удовольствия от этого сообщения.

– Да, почти через дорогу.

Ироническая улыбка, появившаяся на губах у Мегги, показывала, что она хорошо поняла чувства, которые обуревали Шаннон.

– Время от времени Роган увозит ее в какую-нибудь из своих галерей, – сказал Грейсон, ухмыляясь, – тогда нам становится полегче. Больше остается пирогов.

– Зато некому бывает смотреть, чтобы бедняжка Брианна хотя бы иногда отдохнула, – отозвалась Мегги.

– Бедняжка Брианна сама может последить за собой, – раздался от двери голос той, о ком шла речь. – Грейсон, не забывай о Рогане! И о Мерфи тоже.

– Он ничего сегодня не ест, ваш Мерфи, – удивился Грейсон. – Что это с ним, не знаете?

Шаннон, которую уже начал раздражать почти неподвижный взгляд фермера, устремленный на нее, сказала в сердцах:

– Мистеру Малдуну не до еды. Он занят тем, что изучает мою внешность.

– Болван! – прошептала Мегги и толкнула его локтем.

– Прошу прощения. – Мерфи резко поставил кружку на стол. – Я и впрямь размечтался чего-то. От усталости, верно. – Он поднялся из-за стола. – Спасибо за угощение, Бри. Добро пожаловать к нам в Ирландию, мисс Бодин. Больше не буду вас стеснять своим взглядом.

Водрузив на голову шапку, он поспешно покинул кухню.

– Сегодня красный день в календаре, – съязвила Мегги. – Никогда еще Мерфи не оставлял на тарелке хотя бы крошку. Но Роган будет доволен, я отнесу ему то, что осталось от Грея.

– Конечно, Мегги. Я заверну. Шутки шутками, но не знаю, что такое с Мерфи, – сказала Брианна обеспокоенно. – Может, какие неприятности? Он выглядел нездоровым.

Шаннон, однако, подумала, что у мистера Малдуна вполне цветущий вид, и, продолжая с удовольствием пить чай, моментально забыла об этом человеке.

Позднее, когда небеса утратили свою прозрачную голубизну, сменив ее на сероватый цвет, Шаннон пошла прогуляться. Собственно, она хотела остаться на кухне и помочь Брианне по хозяйству, но та наотрез отказалась от помощи и почти насильно выпроводила ее в сад.

Все здесь было в таком порядке, так ухожено, что поневоле создавалось впечатление: и делать-то ничего хозяйке не надо – лежи себе и отдыхай.

Однако, если подумать, то как она со всем справляется, эта женщина? Готовит еду, содержит небольшой, но вполне приличный отель, смотрит за грудным ребенком, ухаживает за прекрасным садом. К тому же остается привлекательной для весьма интересного мужчины, умудряясь выглядеть почти как на рекламной картинке в «Айриш Кантри Таймс». Чудеса, да и только!

Размышляя об этом, Шаннон обогнула оранжерею и оказалась на приятной лужайке, где росли незабудки, фиалки и стояли деревянные стулья. Она опустилась на один из них, решив, что на сегодня хватит – больше не станет думать ни о Брианне, ни о Мегги, ни о ком другом из этого семейства, частью которого она на время сделалась. Вообще ни о чем не будет думать!

Воздух был чист и свеж. До ее слуха доносился легкий звон медных украшений, висевших на одном из окон дома. Показалось, она слышит мычание коров – звуки были для нее почти так же диковинны, как ирландские легенды о гномах и эльфах, прочитанные в детстве.

Наверное, там и находится ферма этого Мерфи, предположила она и понадеялась, что фермер из него получился лучший, нежели собеседник.

Волна усталости накатила на нее – видимо, сказался наконец долгий и утомительный перелет. Она не сопротивлялась этой волне и ощущению слабости, принесенному ею, закрыла глаза и погрузилась в сон.

Ей приснился темноволосый мужчина на белом коне. Его волосы и черный плащ развевались по ветру и были усеяны дождевыми каплями, падавшими с серого неба.

Но вот яркая молния, словно бичом, рассекала тучи, высветила всадника – смуглое лицо с высокими кельтскими скулами, светлые глаза. Бронзовая застежка плаща возле шеи. Засверкали литые металлические украшения на конской голове.

Стройные ноги коня едва касались земли, он как будто летел по воздуху. Мчался к ней. И оба, она это знала – конь и всадник, – были опасны. Так же как меч, блеснувший на боку у мужчины.

Она слышала раскаты грома, холодный дождь бил по лицу – но страха не было. С высоко поднятым подбородком она встречала непогоду и приближение всадника.

Взрывая комья земли, конь остановился в нескольких дюймах от нее. Мужчина спешился и шагнул к ней, в глазах у него были торжество победы и вожелание.

Она услышала собственный голос, который звучал как чужой для нее.

– Значит, ты вернулась? – говорил этот голос...

Она вздрогнула и открыла глаза, напуганная и смущенная ясностью видения. Словно и не спала вовсе – так отчетливо представилось ей все, что только что увидела во время сна.

Она отвела волосы с лица, подняла голову и снова вздрогнула. Невдалеке от нее стоял мужчина.

– Прошу прощения, – сказал он и сделал шаг по направлению к ней. Это был Мерфи. – Не хотел мешать вам. Вы ведь спали?

Она с некоторым усилием выпрямилась на стуле.

– Пришли снова наблюдать за мной, мистер Мерфи?

– Нет... Я... Совсем нет... – «Черт бы меня побрал! Что со мной такое? Совершенно язык не ворочается. Теперь уж определенно эта американка решит, что я недоумок». – Не хотел мешать вам, – повторил он. – Просто шел по саду, и мне показалось, вы сказали что-то. Но, выходит, нет... – Он предпринял попытку улыбнуться, вспомнив, что его улыбка нравится женщинам. – По правде говоря, мисс Бодин, я притащился обратно, чтобы извиниться за то, что так по-дурацки глазел на вас во время чая. Это было неприлично.

– Хорошо, – просто сказала она. – Забудем об этом.

«И уходи, ради бога», – добавила она мысленно. Но он, видимо, не прочел ее мысли.

– Думаю, все дело в ваших глазах, – услышала она его голос.

Он-то знал, что не только в них, но вообще в ней. В том, что, увидев ее, сразу понял: вот она, женщина, которую ты столько времени ждал!

– При чем тут глаза? – спросила она нетерпеливо.

– Они у вас какие-то особенные. Чистые, как вода, зеленые, словно мох, и вроде бы волшебные.

«У него не так уж плохо подвешен язык, – подумала Шаннон. – И голос такой музыкальный – наверное, хорошо поет. Но к чему все это?»

– К чему этот разговор, мистер Малдун? – нотки раздражения появились в ее голосе.

– Зовите меня просто Мерфи. Ведь мы как-никак соседи.

– Нет, мы не соседи. Но я буду вас называть Мерфи. А теперь, если вы меня извините...

Она хотела подняться, но с легким криком снова опустилась на стул, потому что из быстро сгущавшихся сумерек на нее кинулось большое лохматое существо, которое ко всему еще и рычало.

– Кон! – Мерфи достаточно было произнести один этот слог с соответствующей интонацией, чтобы пес тотчас же отошел от Шаннон, виновато виляя хвостом. – Он не хотел испугать вас. Просто приветствовал. Вышел на свою вечернюю прогулку и решил пообщаться.

– Спасибо, что разъяснили. Но когда на вас так бросается из полутьмы что-то рычащее...

– Он разговаривал с вами.

– Значит, я еще недостаточно хорошо понимаю его язык. Ваш я уже начала понимать.

Говоря это, она гладила большую голову Кона, которую тот положил ей на колени.

– Спасибо и на этом. – Он сделал движение рукой, словно фокусник, и перед ее глазами оказался пахучий букет полевых цветов. – Добро пожаловать к нам в Ирландию, в графство Клер. Пусть ваше пребывание здесь, Шаннон Бодин, будет таким же приятным и мирным, как эти цветы.

Ошеломленная едва ли не больше, чем нападением на нее Конкобара, Шаннон взяла цветы из рук Мерфи и смущенно пробормотала:

– Вы странный человек. Так мне показалось с первого раза, и теперь я утвердилась в своем мнении. – Она поднялась со стула. – Спасибо вам, Мерфи.

– И вам тоже. По крайней мере я добился, чего хотел. Вы улыбнулись. Теперь я могу уйти с легким сердцем. Спокойной ночи, Шаннон.

Он повернулся и вскоре растворился в темноте. Конкобар пошел было за ним, но потом передумал и вернулся к Шаннон.

– Что ж, для первого дня, пожалуй, достаточно, – сказала она ему. – Надо идти спать. Я в самом деле чувствую себя усталой.

6

Снова гроза и белые кони. Красивые жестоколицые мужчины и кольцеобразное нагромождение камней...

Преследуемая этими видениями, Шаннон провела беспокойную ночь.

Проснувшись она, чувствуя, что замерзла. Это было странно, потому что угли в небольшом камине на другом конце комнаты еще тлели, а сама она была укрыта до подбородка толстым теплым пледом. Однако холод сидел внутри ее.

Но, что казалось еще более странным, лицо было влажным, словно от дождя, а когда она, отбросив одеяло, села в постели, то сразу забыла о холоде.

Запустив руки в волосы, она подумала, что никогда раньше ей не снились такие четкие сны, и хорошо бы это больше не повторилось.

Как бы то ни было, беспокойная ночь позади, она уже вполне проснулась, и надо вставать. Шаннон не привыкла валяться в постели, потягиваясь и нежась. У себя в Нью-Йорке она не могла и помыслить о таком, сразу возникало с десяток дел, не терпящих отлагательств.

Наваливались обязанности по работе – творческие, бумажные, организационные; встречи и заседания; и дома тоже хватало, перед тем как отправиться на службу, куда она обычно шла пешком, за шесть кварталов. А еще – регулярное посещение спортивного зала.

Пять с лишним лет – одно и то же. Почти одно и то же. Обычная рутина, и называется она – деятельность молодого хорошего специалиста с видами на будущее.

Да, там все было ясно и четко, как в сегодняшних снах. А здесь... Она со вздохом устремила взгляд за окно, где небо только-только начинало бледнеть.

Зачем ей вставать? Куда спешить? Что делать? Прежний стиль жизни был привычным, а потому удобным. Хотя чертовски суетным. Но что вся наша жизнь, как не суета? Эта избитая фраза заставила ее покривиться и начать думать о другом.

Чем бы сегодня заняться? Что делают люди здесь, в Ирландии, в сельской местности, после того, как вылезают из постели? Ну, во-первых, наверное, убирают ее.

Она застелила постель, прошлась по комнате, уселась в кресло у большого окна, выходящего на запад. Уже более отчетливо проступали за ним очертания строений, силуэты каменных оград, отдельных валунов. Ее развеселил крик петуха.

Может, воспользоваться предложением Брианны и проехаться куда-нибудь на ее машине? Куда угодно. Здесь, должно быть, красиво везде. Может, здешние пейзажи заставят ее снова взяться за кисть? Как давно у нее не было ни настроения, ни душевных сил для этого. А пока надо принять душ.

Вода, к ее удивлению и радости, оказалась горячей. Одеться она решила попроще: черный свитер с воротником типа «хомут» и джинсы. Чуть было по привычке не взяла сумку, но вспомнила, где находится, и вовремя отложила.

Припомнив также слова Брианны о том, чтобы чувствовала себя как дома, она решила спуститься вниз и приготовить себе кофе.

В доме стояла такая тишина, что можно было подумать, она здесь совсем одна, хотя на втором этаже находилось несколько постояльцев. Но от них не доносилось ни единого звука, и Шаннон слышала лишь легкий шорох своих шагов.

По пути на кухню она не могла не остановиться у окна, выходящего на восток. Отсюда было видно, как начинается день. Плотная завеса облаков на горизонте кое-где расслаивалась, сквозь нее проглядывали лучи солнца; небо постепенно освещалось ими, золотистые цвета одерживали верх над серо-голубыми. Все больше облачных кораблей с красноватым днищем плыло по небесному морю.

Впервые за много месяцев ей захотелось взяться за кисть. По давней привычке, не по желанию, она и в эту поездку взяла с собой кое-что необходимое для этого. Похвалив себя за предусмотрительность, Шаннон задумалась, далеко ли придется ехать, чтобы купить остальное.

Настроившись хоть на какое-то дело, в бодром настроении она дошла до кухни и открыла дверь.

Там у стола стояла Брианна, руки ее были погружены в миску с тестом.

– А я думала, что встала раньше всех. – От неожиданности Шаннон остановилась в дверях.

– Доброе утро. Вы, я вижу, ранняя пташка. – Брианна продолжала месить тесто. – Кейла так рано проснулась. Проголодалась, бедненькая. Есть кофе, чай. Берите что хотите. Сейчас управлюсь с тестом и дам вам поесть.

– Спасибо. Достаточно одного кофе. Вы сами печете хлеб?

– Да. Мне это нравится. Успокаивает. Вы не пробовали? Возьмите в шкафчике – там есть вчерашний.

– Еще раз спасибо. Может, мне пока проехаться немного, посмотреть местность?

– Конечно, почему нет, – Брианна ловко превратила бесформенный кусок теста в шар, плюхнула его на деревянную доску. – Ключи от машины вон на том крючке. Берите, когда вам захочется. Хорошо спали?

– Ну... я... – Она замолчала, удивившись тому, что ей вдруг захотелось рассказать Брианне о своих сновидениях. – Спать было очень удобно. У вас тут есть «джим»⁴ поблизости?

Брианна накрыла полотенем шары из теста и принялась мыть руки.

– Джим? – повторила она с некоторым удивлением. – У нас тут несколько Джимов. А кто именно вам нужен?

Шаннон, еще более удивленная, раскрыла было рот, потом рассмеялась.

– Я говорю о гимнастическом зале. Спортклуб. Привыкла бывать там три-четыре раза в неделю. Шведская лестница, велосипед с нагрузкой... Ну, вы знаете.

– Нет, я не знаю, – задумчиво сказала Брианна, водружая на плиту огромную сковороду с длинной ручкой. – Шведская лестница – это... по ней ходят?

– В общем, да.

– У нас ходят по полям и по лугам. Пройдетесь пешком – сами увидите, как это здорово. И полезно тоже. Сегодня утро как раз для прогулок. А после полудня пойдет дождь. Идите сейчас, только возьмите одну из курток. Видите, где висят?

На сковороде у Брианны зашипели положенные туда куски бекона.

Глядя ей в спину, Шаннон решила послушаться и пройти пешком. А также надеть куртку.

– Я ненадолго, – предупредила она, направляясь к двери.

– Приятной прогулки, – откликнулась Брианна, не оборачиваясь. И добавила: – А «джимов», о каких вы говорите, у нас нет.

Вообще Шаннон не принадлежала к тому типу людей, которые любят проводить много времени на открытом воздухе. Долгие пешие походы и переходы, путешествия автостопом были не в ее духе. Она предпочитала комфортабельные залы и комнаты отдыха дорогих спортивных клубов, где всегда под рукой вода и соки в бутылках и банках, телевизор, многочисленные приспособления для того, чтобы пребывать в хорошей форме, не проходя при этом десятки километров по пересеченной местности под палящим солнцем, дождем или снегом.

⁴ Игра слов. «Джим» – сокращенное от английского «Джимнестик» (гимнастический зал) и «Джим» – мужское имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.